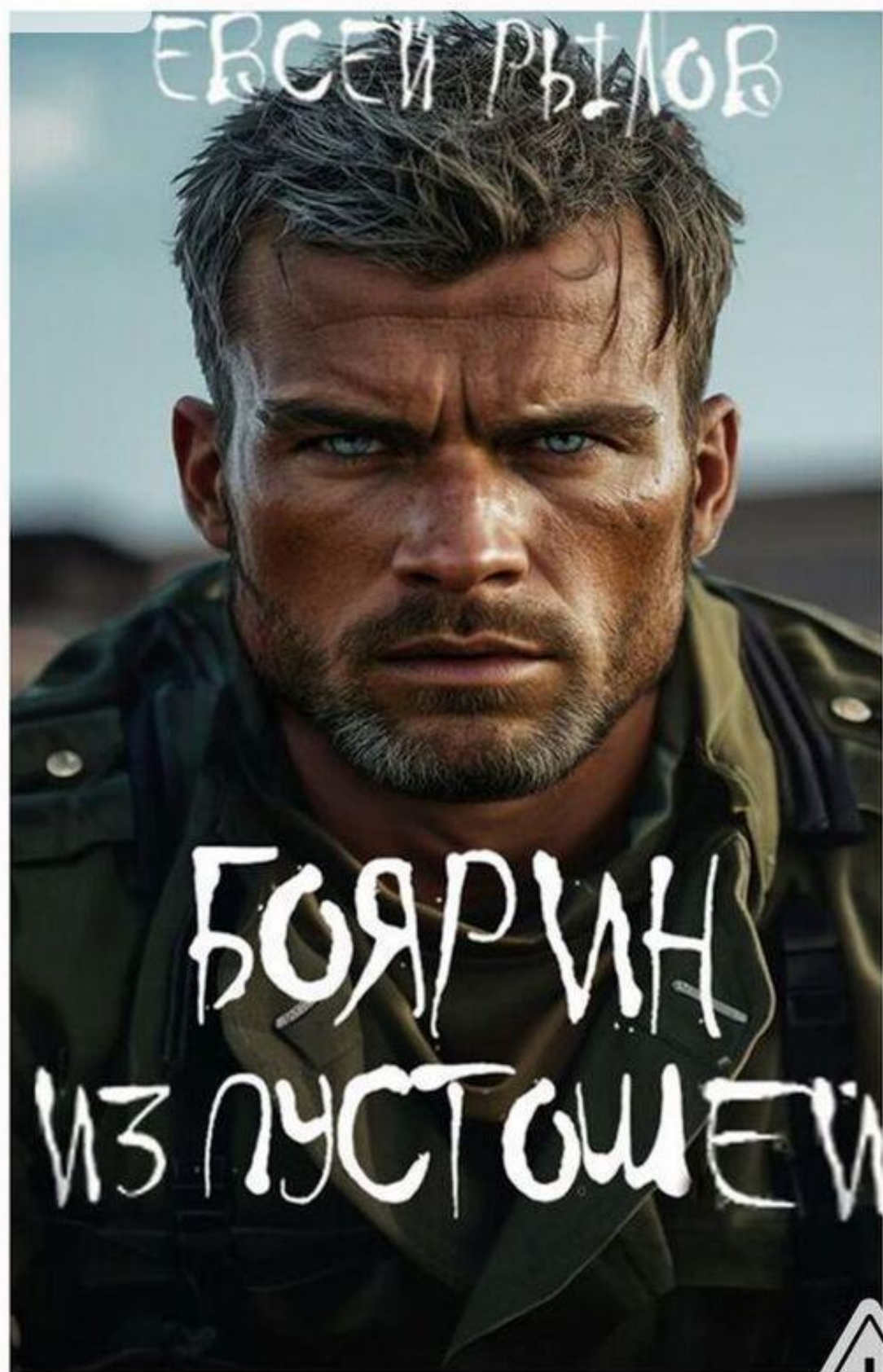

18+

Евсей Рылов

Боярин из пустоши

«Издательские решения»

Рылов Е.

Боярин из пустоши / Е. Рылов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ну вот я и добрался до Выборга. Тут, сколько я помню, красивый замок, рыцарские турниры и ароматные кренделя!... Чего?! Какая академия? Я ж каторжник, можно сказать маньяк-убийца, все дела! А почему местный Дамбл... да чтоб им... язык сломаешь, самый настоящий пират? Стоп, стоп, стоп, а эльфы-то тут откуда? Да и никакие они не эльфы! Вообще не ту расу назвали троллями! Ну, хотя бы здесь есть кошкодевочка, и то хлеб!

© Рылов Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Связаться с семьёй легко...	6
Глава 2. Приятно познакомится	12
Глава 3. Оружейный барон	18
Глава 4. Снова в школу	24
Глава 5. Наука Били Бонса	31
Глава 6. Экзамен	38
Глава 7. Аукцион	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Боярин из пустоши

Евсей Рылов

© Евсей Рылов, 2026

ISBN 978-5-0070-3329-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Связаться с семьёй легко...

Тра-та-та! Та! Та!

Я резанул длинной очередью по рейдеру.

Победа! Я смог отсечь пять выстрелов, а не высадить полмагазина как раньше. Мерзавцы учли опыт группы которую я уничтожил пару недель назад, и теперь каждый использовал собственный щит.

Вот ведь! Значит, как минимум одному ублюдку в тот раз удалось уйти.

Нет, АКМ, конечно, сносил щиты короткой очередью. Они, честно говоря, были не в пример слабее того, который использовал мой злобный двойник, которого я звал — Боярышник. Земля ему стекловатой.

Только вот чтобы убить рейдера, требовалась ещё пара выстрелов, а это расход патронов. При общей численности в неполный взвод разбойники очень даже могли составить мне проблему.

Кстати, у каждого здесь на груди сиял знак, напоминавший глаз с растянутыми веками. Видимо, Умники — потусторонние сущности высасывающие из мира волшебную силу, их как-то подпитывали, потому что разбойники носились просто, как угорелые, причём зигзагом. Самое мерзкое, что я не мог применять гранаты.

Пленников своих гады привязали к столбам в лагере, используя, как живой щит. Поэтому мне приходилось очень аккуратно целиться в каждого злодея.

Хорошо супостаты хотя бы залечь не додумались. Впрочем, как бы они тогда арбалеты натягивали?

Бам!

За этими мыслями я пропустил стрелу прямо в грудную пластину. Уроды что-то сделали с арбалетами, и вылетающие болты теперь имели очень и очень немаленькую скорость. Плиту они пробить не могли, зато втыкались и крепко сидели. Выглядело очень эффектно.

Пара стрел попала мне в руки и бедра, но моя чудо-кольчуга, их остановила. Кстати, побочным результатом этой хитрости, стала их же собственная паника. Видимо, они решили, что я неуязвим.

Бой продолжался уже минут двадцать, и я был истыкан болтами, словно подушечка для булавок, один торчал из каски, но мне это не особо мешало. Зато мои противники утратили всякий наступательный, оборонительный и прочие порывы и в основном пытались спастись бегством.

Я же принялся освобождать пленников. Путы, кстати, тоже прикрывал щит, ну, должен был прикрывать. От меня это не особо спасало, что добавляло паники моим противникам. Все узники, как один, оказались эльфами, кроме какого-то приземистого коротышки.

Бой уже окончательно превратился в избиение, ну или расстрел. Я, честно говоря, отработывал, как на учениях. Мне даже противно стало. Единственное, что побуждало меня не щадить здесь никого, — это пленники. Увы, я опоздал и полтора десятка разумных, больше половины, из которых оказались людьми, были уже мертвы.

Тут явно поработали местные сатанисты. Несколько в стороне от лагеря нашёлся их богомерзкий круг, недалеко от которого кучей, словно мусор, навалили трупы, принесенных в жертву. Увидев это, я утратил любые сомнения в том, как мне поступать дальше.

Я уже расправился с основной массой разбойников, когда прибыла кавалерия.

Со стороны леса послышался взрыв. Да, да, я огородил лагерь растяжками, на тот случай, если кто-нибудь из ублюдков попытается сбежать. Я на грохот особого внимания не обратил, освобождая эльфийку. Вообще, это очень неудобно — перерубать верёвки, глядя в другую сторону.

Бандиты, видимо, для отвлечения внимания, раздели несчастную догола. Может, правда, они так стимулировали своих, пообещав им её в качестве награды. В общем, неважно. Двоих я убил просто потому, что они зависли, разглядывая ушастую.

Я не хотел разделить их судьбу, и в сторону девушки старался не смотреть, ну, разве что самую чуточку. Ну, знаете, должен же я представлять, как расположены пленники в лагере...

Когда я вытащил у неё изо рта кляп, эльфийка что-то сказала, но слов я не понял. Язык был порядком, схожий с тем, на котором материлась Лина и разговаривал Юльви. Этих эльфов я встречал здесь раньше.

Ладно, потом разберусь. Я жестом попытался попросить её лечь на землю. Конечно же, она не подчинилась, имея при этом явно оскорблённый вид.

Пожав плечами, я бросился за улепётывающим бандитом. Он очень кстати оказался не один. Целая группа человек шесть или семь, таща мешки с награбленным, неслась прямо на мою растяжку. Я выстрелил им вслед, те припустили со всех ног.

Не прошло и десяти секунд, как грохнуло. Установленная в траве противопехотная мина выплонула заряд шариков прямо в бегущих. И тут я услышал выстрелы.

Тра-та-та!

Не узнать звук АКМ я просто не мог. Пули прошли по касательной, поцарапав мой многотрагедальный плитник. Я рухнул на мох и тут же перекатился в сторону, как учили в армейке.

В землю рядом со мной ударили пули от них тянулись фиолетовые нити. Итак, снова крыса — мой двойник. И нечему здесь удивляться? Вся пустошь — сплошная помойка, вот и разводятся тут всякие.

Впервые я смог рассмотреть гада. Ростом допельгангер был чуть выше среднего. Телосложение имел, прямо скажем, атлетическое. Он носил чёрную кожаную броню по местной моде, усеянную жутко светящимися фиолетовым знаками. Лицо закрывало забрало шлема.

В отличие от бандитов, этот мерзавец о судьбе Боярышника ничего, видать, не знал и пёр в полный рост. Впрочем, у его самоуверенности были основания, щит выдержал взрыв «монки» — мины, только что добившей остатки шайки.

Ох, плохо дело! У меня после отстрела разбойников имелось всего два магазина. К тому же в лагере ещё вполне могли оставаться бандиты. Да и гранатами опять не воспользоваться, гражданских посечёт.

Что ж, будем работать из засады!

А ещё кучу неудобств создавали торчащие из плиты стрелы. Из-за них приходилось лежать на боку. Я дал длинную очередь, по крысе. Тому это явно не понравилось. Он тут же пальнул в ответ одиночным. Патроны, гад, бережёт. Кстати, запасных магазинов у него видно не было.

Я быстро стал отползать в сторону лагеря, стреляя, чтоб крыса не расслаблялся. Не прошло и минуты, как я оказался, там, куда стремился. Скинул бронежилет, оставив его на видном месте, а сам спрятался в груде каких-то тряпок. То ли это была непоставленная палатка, то ли ещё что.

Противник не заставил себя долго ждать. Крыса спокойно прошествовал в узкий проход между рожнами и двинулся к центру становища. Меня он миновал не заметив. Ну что ж, облажался с подготовкой — подготовься облажаться!

Резко вскочив, я со всей дури саданул ему топором по шлему. Я прекрасно помнил, что прошлый раз не смог пробить броню допельгангера и потому рассчитывал его оглушить.

Не тут-то было! Мерзавец, то ли как-то меня заметил, то ли просто чуйка сработала. Короче, он смог уклониться так, что удар мой прошёл по касательной.

Я тут же его подсёк. Щит против меня не работал, и противник грохнулся на землю. Попытался перекатиться, но я повторно засветил ему по торсу.

Крыса взвыл, но критических повреждений, увы, не получил. Я уже заносил топор для ещё одного удара, когда пасюк перевернулся и поднял автомат.

Лишь чудом я успел упасть назад. Крыса вскочил. Прокрутившись я достал его по ноге. Доппельгангер снова грохнулся. Я, повторно не целясь, врезал ему. Опять по касательной. Какой же всё-таки вёрткий гад. Я попытался вскочить, но, враг был быстрее.

Мгновение и вот он уже на ногах и целится в меня. Не просто в меня — в голову. Скотина, похоже, знал про мою кольчужку.

Что тут поделаешь: чудо-юдо банда идёт ва-банк! Я бросил топор и стал медленно подниматься. Руки я держал перед собой, постепенно опуская к поясу, на котором висел кинжал Боярышника. Как его там — «туманное лезвие», кажется...

— Слушай меня, — тяжело дыша начал крыса. — Ты выбрал не ту сторону. Что тебе до этих ушастых, им ни хрена не будет. Они просто перевоплотятся и всё. Смерть для них ненастоящая. — Он чуть помедлил и продолжил. — Послушай, ты ж не ханжа...

О-о-о, началось! Ханжой в наше время называют любого, кто пытается руководствоваться моральными, то есть человеческими, а не животными соображениями. Эти ребята не знают, что жизнь длинная, зефирка здесь и сейчас, им важнее целой коробки потом. Молодость, красота: всё это не вечно...

Им подавай звёздочку на фюзеляж. А то, что в этой роли на подмостках нередко появляется твёрдый шанкр, их не беспокоит.

— Ты ведь сам только, что кучу народа хладнокровно положил. Кровь как воду проливаешь. Чего тебе до них, они нелюди. Смертных презирают, бабы ихние нас за мужиков не считают... — последнее он выпалил прямо-таки с яростью.

Ну вот! Ещё один недолюбленный... Всё-то они свои неудачи на личном фронте пытаются чем-нибудь прикрыть. Так сказать, после драки кулаками машут.

А ещё они почему-то все думают, что христиане сплошь пацифисты. Конечно, читать Нагорную проповедь — дело не барское! А там три раза повторено, что следует игнорировать мелкий ущерб, наносящий урон нашей гордости, а не нам самим.

Действительно, пощёчина не оплеуха, отнятая рубашка или путь в полтора километра, это неприятно, но не фатально. Вступая же в настоящее противостояние, ни той, ни другой стороне пощады ждать не стоит. Так вот наше противостояние явно было не из разряда пощёчин.

— И чего нам за это будет, если мы ушастых Умникам скормим? — спокойно проскрипел я.

— Здоровье, долголетие и даже магия, — воодушевлённо произнёс крыса, сделав акцент на двух последних словах. — Этого местного уroda из головы уберут. Достал уже со своим нытьём...

— Тут ты прав... — вздохнул я.

Вообще-то, эта тема и впрямь интересовала. Альтерэго я с самой операции не ощущал. Честно говоря, я на его счёт уже волноваться начал.

Я успел пропустить ручку кинжала между пальцами левой руки.

— Ну, хорошо и что нужно сделать, чтобы перейти на вашу сторону? — проскрипел я.

Умная скотина не опускал автомата.

— Всё просто — ушастую прирежь! — качнул головой он.

Тут только я понял, что эльфийка так и бродит вокруг в чём мать родила, а вот мужики, ихние, куда-то свалили. Ну да и ладно, для особо мерзких — мы особо дерзкие. Я рванул кинжал, уповая на то, что гад отвлётся.

Бам!

Кувырком полетел назад. Больно!.. Впрочем, не так — больно. Пуля ударила мне в грудь, но я был жив. Ничего себе кольчужка.

Перед мысленным взором замельтешили сообщения, что-то о поглощении кинетической энергии. Я рванул на врага, готовясь умереть с оружием в руках.

И тут позади крысы глухо ухнуло. Этот звук я прекрасно знал — обрез!

Враг полетел прямо на меня. Я встретил его ударом. Лезвие с хрустом вошло в рёберные хрящи. Я резко ушёл в бок и вырвал кинжал. Противник рухнул, как подкошенный. Я тут же всадил клинок ему в шею.

Из-под брони потекла кровь. Странный нож и правду не повредил её. Ничего себе — мечта грабителя. Я улыбнулся.

Как там говорится: по приказу родины, вопреки всему! Враг был сильнее, лучше экипирован, но всё равно победил я. Моё существо в тот миг наполнял восторг победы. Я, не поднимаясь, глядя в серое августовское небо, заорал:

— РИКИ-ТИКИ-ТА!

Потом опустив глаза, увидел протянутую руку. На меня смотрел Захар Харитонович Мышкин собственной персоной. Я глянул на кинжал, он оказался абсолютно чистым, сунул его в ножны и проскрипел:

— Здрав буде, боярин...

— Вставай, остолоп... — устало произнёс Захар Харитонович. — Ничо без батьки не могут. На минуту не оставишь...

Я поднялся и в тон ему ответил.

— Дыг того ж...

— А-ай — махнул на меня рукой Захар Харитонович.

Я поднял забрало крысы. На меня смотрели мёртвые серые глаза совсем ещё молодого парня. Черты лица его были грубыми. Волосы русые. Наверное, именно так здешний я бы и выглядел, не попади тогда в Медногорск.

Впрочем, теперь уже и не определишь. Лицо моё превратилось в сплошную маску из шрамов. Нормальная кожа сохранилась только вокруг глаз, и та была какой-то нездорово бледной.

Тут рядом нарисовались младшие Мышкины — Фока и Макар.

— Привет, ребят, — проскрипел я и протянул руку. Те её пожали. — Так значит, я пойду, пленников освобожу. Вы давайте, трофейте этих уродов.

— А ты, что это тут раскомандовался?! — попытался засветить мне подзатыльник боярин-сталкер. Я присел, и тяжёлая рука самоназначенного бати прошла мимо.

— Захар Харитонович, ты жизнь прожил, детей поднял, я тебя за то уважаю. Меня спас за то тебе земной поклон, — я поклонился, — и никогда этого не забуду. Но мне самому пора уж батей становиться, — проскрипел я. — Ты не обессудь, но я в ваш род не пойду и ни в чей не пойду. У меня работа есть, пока я с ней не закончу, остальное, всё побоку. А хабар вам сливать буду. Только огнестрел, извини, официально сдам. Нечего таким вещам по миру ходить.

— Ты батю жизни-то не учи!.. — назидательно ответил Захар Харитонович.

— А, поготь, боярин, — продолжил я. — У меня для тебя дробовик хороший есть и патроны к нему. Сейчас освобожу, пленников их одеть надо, и в город вести.

— За дураков не держи, — гнул своё Мышкин. — Разберёмся.

— Ладно, батя так батя, — сдался я.

Я подхватил автомат крысы, весь в модном обвесе: оптика, прозрачный магазин, ручка на цевьё, все дела. Обыскав труп крысы, я обнаружил, что у того оказался ещё и «Глок».

И где они только такие пушки берут?.. Патронов, правда, было совсем мало.

Я надел свой истыканный стрелами бронежилет. Прошёлся по лагерю нашёл и отвязал оставшегося пленника. Тут только я смог его, как следует, рассмотреть.

Это оказался маленький кряжистый человек, более всего походивший на старый пень. Одет он был в какие-то лохмотья. Стоило мне его освободить, как тот неспешно двинулся бродить по лагерю, по-хозяйски оглядывая всё вокруг.

Тем временем я отправился осматривать убитых. Честно говоря, я даже и не пытался взять языка, слишком велико было численное превосходство моих врагов. Однако теперь надеялся, найти раненного, чтобы допросить, вдруг удастся что-то выяснить.

Я нашёл всего одного парня, который ещё дышал. Увы, он был без сознания. Пули пробили ему живот и бедро. Чудо что разбойник был ещё жив. Будь со мной моя бревая рысь — Мурка, можно было бы попросить её вылечить раненного, но кого нет, того нет. Что ж, попробуем поискать другого целителя.

Я обнаружил эльфийку в одной из палаток. Она по-прежнему, кажется, не понимала, где находится. Заставить её одеться у меня не получалось. Тогда я вытащил кристалл, который добыл из брюха огромной змеи, служившей злобному архимагу, и протянул ей.

Та жадно схватила камень, мгновение спустя он погас. Потом я дал ей второй, третий, четвёртый... Только после этого лицо её приняло осмысленное выражение, и она стала прикрываться руками.

Я, отвернувшись, протянул ей припасённую одежду. Девушка оделась и выскочила наружу. Я впервые смог более или менее спокойно её рассмотреть. Она явно отличалась от Лины и других виденных мной эльфов.

Во-первых, кожа у неё была существенно смуглее. Во-вторых, лицо её смотрелось как-то мягче. У Лины все черты тяготели к острым углам. Нет, это, конечно, выглядело красиво, но совсем по-другому.

В-третьих, фигура эльфийки была более женственной. И в-четвёртых, с головы её ниспадала копна каштановых волос, а из-под пышных ресниц смотрели изумрудные глаза.

Ушастая тем временем поймала одного из младших Мышкиных, с энтузиазмом разбившего палатку. Она положила ему ладони на виски и что-то пропела на незнакомом языке.

Стоило ей отпустить его, как парень заорал и рванул от неё куда-то. Эльфийка медленно повернулась ко мне и спросила:

— Ты кто?

— Конь в пальто, — срифмовал я и двинулся по своим делам.

— Эй, эй, не оставляй меня, — она испуганно подбежала, ко мне и схватила за плечо.

— Тогда не тормозите и следуйте за мной — проскрипел я. — Вас как звать?

— Я Эвииль Лии Виэллэ, — она церемонно поклонилась.

— А я Репей — проскрипел я. — Просто Репей, можно не любить, да и жаловать не к чему. Подскажите, вы лечить умеете?

Эльфийка хмыкнула и двинулась за мной. Парню она помочь не смогла, знала только самые азы и предложила немедленно отвезти его к врачу. Ну что тут скажешь? Спасибо, кэп!

Потом я двинулся к квадроциклу и снял растяжки, затем отволок «монки» к машине. Они, очень кстати, попались мне на одной из плешей по дороге. Эвииль смотрела на всё вокруг с настоящим ужасом.

— А что здесь происходит? — наконец спросила она.

— Я уничтожил банду разбойников, вы были у них в плену, — буднично проскрипел я. — Сейчас победители грабят побеждённых. Так всегда бывает.

— А это что за штука, — спросила она. Алюминиевый конь ей явно понравился.

— Это квадроцикл, машина такая. Садитесь, подвезу, — я запрыгнул в седло. Эвииль, чуть повозившись, уселась сзади, а потом обняла меня. Блин, да что ж такое...

Я перегнал моего алюминиевого коня к лагерю разбойников. От него уже остались только аккуратно сложенные кучки вещей. Мышкины стремительно сортировали добычу.

Амуницию крысы сложили отдельно, как особо ценную. Вот чудо! Фиолетовые знаки на ней совсем поблели и теперь проступила вязь разноцветных рун.

Я протянул Захару Харитоновичу дробовик и патроны. Он принял оружие, внимательно осмотрел и покачал головой.

— Спасибо, — растроганно сказал старший Мышкин, — уважил батю, — боярин похлопал меня по плечу.

Потом отвёл и показал собранный огнестрел, разложенный на куске грубой ткани. Тут были: автомат «Вал», незнакомая снайперка и дамский револьвер. Для винтовки даже нашлась пара патронов. Я собрал оружие и погрузил по кофрам квадрика.

Захар Харитонович степенно подошёл и стал придирчиво разглядывать машину. Тут только он увидел эльфийку.

— Девка-то у тебя чудная какая, — удивился боярин-сталкер.

Тут я кое что поясню. Абсолютное большинство местных людей эльфов боялись, и при любой возможности избегали. Нетрудно догадаться, почему так происходило. Видимо кому-то при встрече с ними всё же удалось выжить.

— Так и Репей у меня необычный, — с достоинством ответила Эвииль.

— Госпожа, не умножайте зря недопонимания, — проскрипел я.

— Ишь, какой грозный... — мелодично рассмеялась эльфийка, словно зазвенел нежнейший из колокольчиков. — Ничего, перевоспитаем, — с внезапной серьёзностью добавила она.

— А кто этот невысокий? — постарался перевести тему я. — госпожа Эвииль, вы его по-нашему сумеете научить разговаривать?

— Его-то — погрустнела эльфийка. — А может, не надо?.. Ты себе не представляешь, что тогда будет...

— Ой, да ладно... — отмахнулся я. — Учите, глядишь, и из него толк выйдет.

— Толк-то выйдет — дурь останется, — вздохнула эльфийка.

Эвииль некоторое время думала, потом снова тяжело вздохнула и двинулась искать коротышку. Я с интересом пошёл за ней. Тот при виде её глухо ухнул, ну прям как батин обрез, и дунул в кусты. За прошедшие неполные полчаса он успел раздобыть себе одежду и боевой топор.

Нетрудно догадаться, что эльфийка догнала его почти мгновенно и того быстрее положила ладони на виски. Коротышка на мгновение отрубился, осев на землю.

Не успела Эвииль сделать шаг назад, как он пришёл в себя. Первым его вопросом был:

— Пиво есть?

— Это что, кхзад!?

Глава 2. Приятно познакомится

В мире мало воды и её нельзя пить. Заражённая плоть всюду брошена гнить... Пламенев — Это что, кхазад? — проскрипел я. Так, у Толкина называли себя гномы. Я использовал их самоназвание, потому что гнумами люди звали тех, кто не умел создавать плетений.

— Увы, — сокрушённо произнесла Эвииль. — Сейчас долю в добыче требовать будет. Как в воду глядела...

Коротышка встал, осмотрелся и, подбоченившись, заявил:

— Мне треть...

— Слышь, — проскрипел я, — твой трофей — свобода.

— Так не пойдёт! — отмахнулся кхазад. — Я парочку разбойников ещё в первой стычке порешил. А что в бою взято, то свято...

С его слов выходило, что это были два конных рыцаря, которые везли с собой, как минимум половину всего имущества. Исключительно из благодарности кхазад, который так и не удосужился представиться, готов был поделиться ей с нами. Когда его речь закончилась, Эвииль, грустно пожала плечами:

— А я предупреждала...

Тут откуда-то вынырнул Захар Харитонович. Как и вообще всё вокруг, кхазада он воспринял как должное. Боярин степенно подошёл к нему, придирчиво осмотрел, и понеслось...

Если честно, я очень быстро потерял нить разговора, но где-то минут через полчаса кхазад остался нам — Мышкиным, ещё прилично должен. И в счёт этого долга ему предстояло заниматься ремонтом дома в пустошах.

Не, ну, а что, надо же молодым где-то жить?! Прямо именно в такой формулировке.

Они же за меня вроде как свою родственницу отдать собирались. Нда, пока враг рисует карты, мы меняем рельеф местности, причём вручную...

К слову, я теперь был Мышкиным. Возражения не принимались! Я поначалу отказывался, но тут вспомнил намёк Ангела. И правда, если я буду пользоваться общей собственностью рода, то проблема разрушения предметов, в значительной степени окажется, решена. Ведь почти всё чем я владел ракссыпалось в серую пыль.

Мы вчетвером: я, батя и Фока с Макаром, похоронили мёртвых пленников. Сделали деревянный крест, написав: «Безвинно убиты в лето 2054 от Рождества Господа нашего».

Тела бандитов во главе с крысой мы отволокли подальше в лес и бросили там. Пускай зверюшки подкормятся. Ни у кого не было сомнений, что христианских похорон подонки не заслужили.

Следующей трудностью, оказался вывоз трофеев. Захар Харитонович каким-то образом смог связаться со своими в Выборге, и те должны были вскорости прибыть на помощь. Кхазад, которого звали Гилви, остался с ними охранять добычу.

Транспорт крысы нашёлся неподалёку. Это была самая настоящая легенда на колёсах — полноприводной мотоцикл Урал! Экспортная модель, на полном фарше. Вот это я понимаю, приборохлился так приборохлился.

На машине крепились две кожаные сумки с вышитыми на них замысловатыми узорами. Внутри нашлись только патроны, немного тушёнки и смена одежды. Что интересно бак машины оказался почти пуст.

Когда я сказал, что можно заставить ездить Урал, мне никто не поверил, а я подумал: вдруг удастся уговорить кого-нибудь из эльфов зачаровать машину, и тогда я смогу погонять!

Ну и пусть я старый хрен, мне, может быть, всю жизнь хотелось! Я даже модное слово выучил: гештальт. Это когда великовозрастному лбу требуется повисеть на батиной шее. У него в таком случае всегда в этом самом гештальте ветер дверью хлопает.

К сожалению, Эвииль оказалась менталисткой — телепатом по-нашему. Могла изучить язык, просто коснувшись человека. Умела собирать и монтировать из фрагментов памяти что-то вроде обучающих фильмов, ставила защиту от нежелательного проникновения. Короче, обладала массой полезных навыков, ремонт мотоциклов, в перечень которых, увы, не входил.

Так бишь, о чём я? Ах да...

Я спрятал Урал в кустах и, мы с Эвииль, разместившись на квадрике, выдвинулись в сторону Выборга. Вернее сказать, к нашему, Захар Харитонович очень напирал на это, дому в пустошах.

Тут возникла вполне ожидаемая трудность. Эвииль не видела ничего плохого в том, чтобы ехать, обняв меня. Нет, конечно, это очень приятно, когда тебя обнимает девушка, но тут ведь такое дело.

Легко быть одиноким парнем посреди смертельно опасных пустошей, где единственная женщина готова сожрать тебя целиком, а не как обычно довольствоваться только мозгом. А вот когда рядом прекрасная эльфийка, которая не особо парится твоим личным пространством... это, знаете ли, неслабое такое испытание.

Самым серьёзным в ситуации было то, что на моё недовольство Эвииль только хихикнула и посоветовала радоваться жизни. Вот прям так и сказала.

И что прикажете делать? Я уже начинал скучать по Лине с её пренебрежительным отношением и дурацкими шуточками.

В общем, доехали мы по-разному. Только вот, добравшись, до указанного места, никакого дома там не нашли. Вот что за люди меня окружают, а?! Все врут... все врут...

К разорённому с неделю назад лагерю Боров с товарищами вышли только вечером. Открывшийся им вид не мог оставить равнодушной чёрствую сталкерскую душу. Что тут сказать, ноги сами в пляс пускались!

Посреди крупной поляны стояли палатки, окружённые рвом, за которым насыпали невысокий вал, из него торчали рожны — наклонно вбитые заточенные колья.

Часть парусиновых домиков рухнули под грузом дождевой воды, но остальные стояли. Здесь в воздухе витали чудесные ароматы разложения и гари. По всей территории были разбросаны тщательно обглоданные человеческие кости.

Ну как тут не обрадоваться!

Их старшой — Шуруп — жилистый мужик порядком за тридцать, первым перемахнул через ров и принялся осматривать остатки лагеря. Боров не спеша последовал за ним. Ему хотелось растянуть удовольствие.

Войдя через мостик, перекинутый через ров, он пнул не к месту валявшийся череп, и тот, точно мяч, покатился к центру лагеря. Боров секунду выбирал между палатками, а потом свернул в первую слева. Она частично просела под весом воды, но полностью не обвалилась.

Внутри чего только не было. Боров, как всегда, угадал и попал на склад. Он принялся перекапывать ящики и тюки, быстро отыскав нужное — почти не ношенную кожаную броню, с чистым поддоспешником. Сталкер спешно облачился в обновку, только сапоги оставил старые.

Потом стал быстро перерывать сундуки и совсем скоро оказался вознаграждён за усердие. Почти на самом дне одного из ящиков обнаружился кожаный кошелек, внутри которого, поблёскивали серебряные рубли. Не менее получервонца на тренированный глаз Борова. Чуть дальше нашлось шесть бледно-светящихся жёлтым кристаллов.

Вот так свезло! Увидев камни, никто не спросит про остальное. Вроде и с товарищами по-честному обошёлся, и себе прибыток... Боров воровато оглянулся и спрятал деньги за пазуху. Потом выложив на тряпицу кристаллы, выскочил наружу со словами:

— Смотрите, братцы, что нашёл!

Тут, только он увидел Шурупа, вынырнувшего из дальней палатки. В руках его было двустольное оружие средней длины. Старшбй поцеловал машинку и крикнул подчинённым:

— Чего стоим. Палатки сами себя не разберут!

Боров оглядел разорённый лагерь и улыбнулся, своим мыслям. На душе у него было светло и радостно, именно ради таких чудесных дней он и ходил в пустоши.

Мы с леди Эвииль стояли у подножья довольно высокой скалы и смотрели на подлюю и бессовестную лож бояр Мышкиных. Чего тут скажешь: «бывают в жизни огорченья — вместо хлеба ешь печенье».

На скальном основании стояла самая настоящая крепость. Куртины и бастионы её были сложены из мощных гранитных блоков. В стене имелись ворота, к которым шёл естественный скальный пандус.

Створки, конечно же, оказались заперты. Впрочем, у меня имелся ключ от небольшой калитки рядом с воротами. Его отдал мне Захар Харитонович.

Внутри крепость выглядела не менее внушительно, чем снаружи. Голую скалу выровняли так тщательно, что, казалось, ты стоишь на каменном полу. Внутри стен имелись окна — это были, по сути, трёхэтажные здания.

Во дворе стояла крестообразная постройка высотой в шесть этажей. Мне эта махина неприятно напомнила стандартную тюрьму. Впрочем, её построили не из кирпича, а из всё тех же гранитных блоков.

Я даже присвистнул, то есть хотел присвистнуть — тут могло жить до пары тысяч человек. Этого совсем недостаточно. Мне Ангел велел где-то разместить более сотни тысяч эльфов, которым предстояло ожить зимой через год.

Прямым ходом до Выборга здесь было всего пару вёрст, а вот до моста через бухту Радугу все пять. Я ещё раз оглядел крепость и сказал:

— Три подсумка драгоценностей, говоришь? Дёшево же продаёшь родовую собственность, Захар Харитонович.

Эвииль на мою реплику только хмыкнула.

Более или менее обжитую часть стены мы нашли достаточно быстро. Захар Харитонович снабдил меня ключом от дубовой двери, окованной стальными полосами. Внутри оказалась типичная холостяцкая берлога. Застарелый беспорядок и толстый слой пыли.

Вообще-то, нам предстала аж пятикомнатная квартира, причём со всеми удобствами. Вода из крана, правда, шла только холодная, но всё же.

Эвииль какое-то время бродила по темноватым помещениям, а потом подошла ко мне и сказала:

— Жуть...

— Много лучше, чем под открытым небом — пожал плечами я. — Тут вон крыша. Какую-нибудь комнату разгребём, и будет неплохо. Я такой роскоши, как здесь давно не видел.

— В смысле? — удивилась эльфийка.

— Ну, я сначала в подземельях на каторге срок мотал, потом меня изгнали, и я по пустошам болтался, — говоря это, я разжился потрёпанной шваброй и принялся подметать пол.

— Ты чего делаешь?! — резко спросила Эвииль.

— Убираюсь, — пожал плечами я.

— А ну, прекрати, пыль поднимать! — возмутилась девушка. — Руку дай...

Она схватила меня за незащищённое запястье, и я почувствовал, как из меня вытекает дурнота. Эльфийка протянула руку, и над ней появился словно бы крошечный вихрь.

Мгновение и в него влились серые струи со всех сторон. В воздухе над ладонью Эвииль стал расти комок грязного цвета. Всё так же, держа за руку, она потащила меня вглубь помещений. Когда мы прошли все комнаты, пыльный шар стал уже больше футбольного мяча.

Эльфийка потянула меня на улицу. Снаружи она размахнулась и со всей силы запульнула серый ком через стену. Увы, не пролетев и половину пути, он вдруг рассыпался, образуя крупное облако, которое стал сносить ветер.

— Вот это да! — восхитился я.

Девушка же, промолчав, принялась недовольно рассматривать собственную руку. Вид у неё был такой, словно мы на самом деле полдня убирались. В комнатах теперь оказалось почти чисто. Эльфийка буквально повалилась на стул и спросила:

— Что здесь происходит? В смысле везде.

— Ответьте на мои вопросы, тогда отвечу на ваши — проскрипел я. — Я уже встречался с вашими соплеменниками. Информация только на обмен.

— Ну, какой ты... бука, — не сразу определилась она с оценкой, — но ничего неприличного...

— Я мало знаю о вашем народе и заранее извиняюсь. Потому я могу сказать или спросить что-то недопустимое, — проскрипел я. — В таком случае просто скажите, и я не буду вас этим донимать...

Не стану утомлять вас, мой дорогой читатель, долгими диалогами, которые мы вели с весьма разговорчивой эльфийкой за уборкой и просто расскажу, что смог узнать.

Итак, Эвииль Лии Виэллэ — это добродушная и жизнерадостная юная девушка. Самая, в общем-то, обычная, если не считать того, что ей на тот момент было каких-то восемнадцать с половиной тысяч лет. Нет, родилась-то она намного-намного раньше. Просто это возрождение для неё стало четвёртым.

Так вот, с самого начала.

Эвииль появилась на свет в городе-государстве Атилиэ, находившемся некогда на юго-восточной оконечности уральских гор. Её родители имели весьма высокое положение в обществе. Отец командовал городской стражей, а мать служила кем-то вроде фрейлины у жены местного правителя.

Времена те были мирными и сытыми, а потому и детство её прошло абсолютно безмятежно. Уровень развития цивилизации тогда был невелик, а население города, где она жила, не превышало ста тысяч. К слову, по эльфийскому летоисчислению она родилась в 152657 году от сотворения Эльдаров. Она училась у своей тётушки и смогла стать, как мы бы сказали, дизайнером. Тут самое интересное то, что свои ментальные способности она не считала чем-то необычным и использовать их для заработка особо-то не могла. Эвииль почти семь тысяч лет создавала интерьеры, шила одежду и многое другое, пока однажды на неё не упало дерево.

Первое возрождение её прошло вполне благополучно. На дворе был уже 178238 год. Пока эльфийка отсутствовала Атилиэ стал частью самой настоящей империи, и население города теперь насчитывало более полумиллиона. Родители Эвииль при этом сохранили высокие посты, а у неё появились сёстры и братья.

В общем, вторая жизнь госпожи Лии Виэллэ оказалась не менее безмятежной, чем первая. Эльфы к тому времени уже имели весьма высокий уровень развития, век эдак на девятнадцатый, а может, и больше. Численность их населения перевалила за полмиллиарда. Второй раз девушка погибла во время пожара в загородном доме, случившемся из-за молнии.

Вновь возродилась она всего десять тысяч лет спустя. Эта жизнь оказалась наиболее короткой и тяжёлой. Пусть это и был полдень цивилизации эльфов, достигшей впечатляющих успехов. Они создали водоснабжение, канализацию, транспортную авиацию, средства связи, даже подобия компьютеров и, конечно же, достигли потрясающего уровня биотехнологий.

Однако тот мир Эвииль очень не понравился. Во-первых, все здесь оказались юными эльфами, и их насчитывалось меньше пятидесяти миллионов. Я не очень понял, чем юные эльфы отличались от обычных, но чем-то весьма существенным.

Во-вторых, это общество было кастовым, и дно его составляли падшие, то есть эльфы, рождённые после грехопадения Адама. Они были много более агрессивны и склонны к преступлениям, чем остальные. К тому же обладали большим уровнем магических способностей, которые довольно плохо контролировали.

Падших держали в подчинении с помощью специальных устройств, которыми управляли из некоего центра. Сама Эвииль, что характерно, очутилась в середине кастовой пирамиды.

Однако наихудшим оказалось то, что здесь забыли Ауле́. То есть не так — не забыли. Они всеми силами старались жить так, будто Его нет. Каждого, кто смел, хотя бы упомянуть Его имя, ждало наказание, а если кто-то систематически не желал следовать правилам — его изгоняли.

Через относительно короткое по своим меркам время, — пару сотен лет, она не выдержала, уехала из родного города и поселилась, как бы мы сказали на хуторе в паре сотен вёрст. Жила она там уединённо, почти ничего не зная о происходящем в мире. Благо, работать могла удалённо.

Шли века, и в один ничем не примечательный зимний день по земле прошла дрожь, налетел внезапный порыв отравленного ветра, и в той стороне, где находился родной город Эвииль, в небо поднялось облако, похожее на гриб. Ничего подобного эльфийка никогда не видела. Впрочем, её способностей хватило, чтобы понять, что выживших там практически не осталось.

Она собрала пожитки, погрузила в сани, впряглась в них и навсегда покинула те места. Уже вечером того страшного дня она почувствовала, как из мира уходит истинная вода, так эльфы звали волшебную силу. Правда, совсем скоро эльфийка выбралась к относительно нетронутой катаклизмом территории, где магический фон был повыше, но всё равно меньше привычного. Увы, места те оказались совершенно необитаемы.

Эльфийка ещё долго скиталась по опустошённому ядерной войной миру. От некогда великих городов остались гигантские котлованы, которые постепенно заполняла вода.

Тут я оговорюсь, что привычное для нас ядерное оружие, а это, скорее всего, было именно оно, не оставляет воронок таких площадей. Ну что тут скажешь, я всё-таки в другом мире.

Не раз и не два Эвииль встречала своих сородичей. Почти все они были падшими. Оставшись без устройств контроля, многие из них срывали накопившуюся злобу на всём и всех подряд.

Эвииль использовала зачарованные вещи, позволявшие ей прятаться от опасности. Впрочем, у неё имелась и защита с оружием. Только вот снаряжение быстро, по её, конечно, меркам, разрядилось, а после этого она попала одной из банд падших.

Над ней долго издевались, пытаясь заставить сделать что-то смысла чего, я не понял. Однако она отказалась и, в конце концов, умерла от истязаний.

Эвииль тихо всхлипнула.

— Я думала, что всё закончилось. Возрожусь, и всё снова будет, как раньше, но когда я пришла в себя, меня поймали глиняные, ой прости... и снова стали издеваться. Я просила Ауле́ защитить меня, а потом пришёл ты...

Я немного помолчал. Мы с ней к тому времени смогли более ли менее разгрести три комнаты и теперь сидели в кухне-столовой.

— Твоя очередь — сказала девушка, вытерев с глаз набежавшие слёзы.

— Мне девятнадцать лет, но по-настоящему помню я только два года. Я родился и жил в городе тут недалеко, где-то полтыщи вёрст на юго-запад, он называется Псков. Семья у нас

знатная, там все маги, а я получился выродком. Способностей считайте, что и не было. В общем, когда мне стукнуло семнадцать, мой старший брат убил нашу сестру.

Он талантливый парень, и решили, что преступление на себя должен взять другой. Я, короче, пошёл и написал явку с повинной. Меня судили, а потом отправили в Медногорск добывать малахит. Это страшное место... Многие там и года не проживали. Я протянул почти два, а потом на меня свалили смерти заключённых, лишили имени и выгнали в пустоши...

Сегодня я впервые тестировал эту версию событий. О своих приключениях по дороге в Выборг я рассказал максимально подробно, стараясь не сболтнуть лишнего, чтобы могло связать меня с другим миром. Ну и, конечно же, умолчал о своей кольчужке и о том, что видел, пока был мёртв. Более всего я напирал на общую информацию об этом мире, ну, по крайней мере, ту, что помнил или смог собрать.

— ... теперь мне надо в Выборг. Попытаюсь выяснить, можно ли ещё выкрутится из ситуации с опозданием. Вот как-то так.

— Ничего себе... — протянула она. — То есть ты за такую короткую жизнь столько всего вынес? — она призадумалась. — А кто всё это построил?

— Мышкины — предки Захара Харитоновича, пока здесь ещё не было пустошей, — пожал плечами я.

— И вы, глиняные, такое можете? — потрясённо спросила она.

— Это — старьё, сейчас здания намного большего размера строят, — проскрипел я, ни капельки, не будучи уверен в сказанном. А что нечего нас глиня... то есть людей, считать не пойми кем. — Вы вот ещё про кхазаров поведаете. Я про них только легенды слышал.

— Да нечего о них рассказывать. Сидят себе под землёй, довольно глубоко, на поверхность почти не высовываются. Гилви, наверное, изгнанник. Ну чего ещё? Мастера они по камню и металлу знатные. Вот собственно, и всё. А-а-а да, кхазары ещё любят пиво и золото.

— Ну, это я и сам знаю — проскрипел я. — Да, я хочу сказать вам одну важную вещь: в этом мире нет никого ниже, чем я. Я на дне глубже которо...

Эвииль вдруг оказалась совсем близко и приложила палец мне к губам, а потом произнесла:

— Ты, верно, не заметил, но я большая девочка, и сама решаю, как мне поступить, с кем водится, а с кем нет, — она отстранилась. — Ладно, пойдём-ка спать, а то завтра большой день.

Глава 3. Оружейный барон

— Документы — мрачно прогудел стражник. Самый настоящий стражник, одетый в латный доспех в западноевропейском стиле. Вооружён он был коротким мечом и алебардой. Я протянул ему свои бумаги. Даже не представляю, как мне удалось их сохранить. Чудо, да и только не потерял их, даже когда от Лины убежал.

Стражник некоторое время изучал документы, а потом тихо спросил:

— Ты кому хабар-то сливать будешь? Я ж вижу... — он буквально пожирал глазами мой рюкзак и нечему тут удивляться.

Это был самый большой баул, который я смог найти в магазине «Валпс». Я съездил на палёную плешь.

Так здесь называли аномальные зоны с повышенным магическим фоном. Никто и ничто не могло там выжить, кроме меня, конечно. Так вот посреди этих пятен валялись здания из моего мира. Естественно там встречались магазины, а в них много всего полезного.

Именно там я разжился целой кучей полезных вещей. По дороге я встретил рысь Мурку и её парня вранчеловека Карла, сыто загоравших на берегу озера Беспокойного.

Тут надо сказать, что Эвииль ненавязчиво выкатила список позиций на тридцать того, что ей абсолютно необходимо для комфортной жизни. Естественно, большинства названий и объяснений я просто не понял, а потому отмазался, предложив заняться этим чуть позже.

Так вот. Рюкзак я под завязку набил одеждой и туристическим снаряжением. Среди этих вещей уютно примостились три ствола. Самое потрясающее, что я шёл с автоматом в город, и никто даже не попросил отомкнуть рожок.

— Думаю Мышкиным, а что... — проскрипел я.

— Ты это... сначала лучше к Волгину зайди. Там подальше, но он цену даёт. Скажи от Фёдора Рогова, — стражник протянул мне дорогого вида визитку, переливающуюся всеми цветами радуги.

Я успел прочитать на ней адрес, прежде чем она рассыпалась в серую пыль: Вокзальная дом 6. Стражник, в свою очередь, рассыпался в извинениях. Я успокоил его, сказав, что запомнил название улицы и номер дома, а потом дважды повторил их, чтобы Фёдор не волновался.

Захар Харитонович на самом деле дал мне адреса и характеристики всех скупщиков в Выборге. Волгина боярин-сталкер недолюбливал, как конкурента, но не мог не отметить кристальную честность.

Город встретил меня разноцветьем. Всё здесь: дома, фонарные столбы, мостовые, деревья и даже лошади, было буквально испещрено колдовскими знаками всех цветов и размеров. Между ними в воздухе тянулись мириады тонких нитей.

Каким-то фантастическим образом, буйство красок не мешало мне смотреть на мир. Я видел магию словно бы другим зрением. Более того, мне оказалось совсем нетрудно отключиться от него и практически не обращать внимания на светящиеся символы повсюду.

Тащить рюкзак через горку мне совсем не улыбалось, и я двинулся к боярскому гнезду Мышкиных. Оно было менее монументальным, чем крепость, но всё же занимало целый квартал. На улицу выходили фасады зданий в неповторимом Выборгском стиле северного модерна. Тяжёлые линии, примитивистские гранитные барельефы на стенах, стрельчатые окна. Всё, как мы любим!

Меня уже ждали. Зайдя в подворотню, я увидел высокого, крепкого мужчину, одетого в серую форму. Стбит сказать, что, несмотря на значительно более узкие плечи, незнакомец явно приходился родственником Захару Харитоновичу. Выправка мужчины в сером была идеальна, а весь вид говорил о привычке к воинской службе.

— Сергей Харитонович — представился он, — ратман, — мужчина протянул мне руку. Я пожал её.

Рядом с ним стояла девушка в лёгком летнем платье, показавшаяся мне по-своему красивой: светло-русые волосы, правильные черты лица и пронзительный взгляд умных голубых глаз.

Девушка сделала книксен. Мужчина, указав на неё, сказал:

— Адель — наша гордость. Прошу любить и жаловать.

Та-ак, началось...

— Репей — проскрипел я, — душегуб. Можно не любить, да и жаловать тоже незачем.

Девушка нервно хихикнула.

— Мне Захар Харитонович, место обещал, где вещи положить можно, а то тяжело очень.

— А, конечно, — сказал Сергей Харитонович. Он провёл меня через арку в большой сад. После пустошей это место составляло совершенно чудовищный контраст. Честно говоря, я чувствовал себя здесь чужим. Яркость поздних цветов, аккуратность дорожек, разбросанные то там, то тут скамейки и качели.

Всё это было нереальным, ненастоящим. За каждым кустом или скамейкой мне чудился враг. Здесь на меня отовсюду могли напасть. Я замер, вцепившись в рукоять и цевьё автомата.

Мои провожатые ушли немного вперёд, но я не мог даже двинуться. Адель повернулась и, сделав несколько шагов ко мне, спросила:

— Ты чего?

Я стоял, обливаясь потом, несмотря на утреннюю прохладу. Это место было для меня не просто чужим — враждебным. Не меньше минуты у меня ушло на то, чтобы отмереть. Тут мне в голову пришла мысль.

— Всё это... — проскрипел я, — чужое. Я помню только тюрьму и пустоши. Остальное — просто бессвязные образы. Здесь всё странное.

Адель шокировано посмотрела на меня и снова нервно хихикнула. У-ух, кажется, я неплохо справляюсь.

Я двинулся дальше. Собственно у меня не было особых вариантов, кроме как разыгрывать амнезию. Надеюсь, они не встречались с подобным на самом деле. Потому что в жизни она проходит и довольно быстро.

Меня отвели к небольшому каменному домику, стоявшему отдельно. Он напомнил мне жилище Лины, такой же чистенький и аккуратный. Того же типа гранитная печь. Похожая кухонная утварь.

Я поставил свою ношу на пол и принялся её разбирать, выкладывая вещи на стол. Рюкзак я набил комплектами одежды, которые аккуратно упаковал в полиэтиленовые мешки. Я выложил их все, кроме одного. Глянул на Адель и приступил:

— Комплекты стандартные, — я вытащил мешок, — верхняя одежда — костюм «горка», — я выложил следующий пакет, — термобельё летнее и зимнее... Таак, куртка демисезонная и флисовая. Ага, ещё футболки, носки, ремень и жилет с подсумками. Нож и лопатка, если наточить — страшное оружие будет. Как-то так.

— Откуда вы знаете, как это называется? — впиалась в меня глазами Адель.

Ух ты, уже на «вы». Неплохо, мы всё дальше друг от друга.

— На них написано, — пожал плечами я, демонстрируя этикетки.

— Они новые! — уставилась на меня девушка.

— Ясное дело, новые, — проскрипел я. — Не будете же в ношеном ходить.

— Я о другом. Откуда вы их взяли? — Адель даже слегка дрожала от волнения, — Я ещё никогда не видела вещей в таком состоянии.

— Если все будут знать, где подобное берут, то, за что они заплатят мне? — вопросом на вопрос ответил я. — Да, кстати, это лично вам, — я протянул девушке шкатулку, набитую бижутерией, — В пустошах ходят слухи, вам такое пригодится.

— Кто это говорит? — загорелась Адель, но шкатулку взяла. Я прекрасно помнил, что она зачаровательница и хабар был для неё лучшим из возможных материалов.

— Это только, кажется, что мёртвые молчат, — просипел я, — дай им малейший повод — все уши прожужжат, — вот и прищлась цитатка к месту. Хотя, может быть, я её и переврал.

Я, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен, стал собирать рюкзак для коротких выходов. Туда я сунул набор одежды и несколько сложенных стволов. Они тоже были новые. Я упаковал их в плёнку.

Ратман как замороженный смотрел на арсенал. Он подождал, пока я соберусь, и спросил:

— Куда чистяк?

— Сдам, как положено, нечего таким вещам по миру гулять без присмотра, — просипел я, поправляя свой истыканный стрелами бронезилет. Несколько болтов мне вытащить не удалось, и я просто обломал дрёвки, но вид они мне придавали весьма впечатляющий. Я тогда не понимал, но для местных мой трёпанный ВКПО казался золотыми доспехами.

— А одежду куда? — спросил Сергей Харитонович.

— Волгину покажу, хочу узнать альтернативный взгляд на цену.

— Я думаю, ни у нас, ни у него столько нет, сколько всё это стоит — сказала Адель.

— Мне Захар Харитонович замо́к, который в пустошах обещал, — пожал я плечами. — А если поможете с ремонтом, то ещё приплачу.

— Ты просишь ненужную вещь за это? — не унималась Адель.

Опять двадцать пять! Только же на «вы» перешли.

— Я даю адекватную цену, — просипел я.

— А чем мы потом платить будем? Ты ставишь нас в ужасное положение, — она уселась на кресло, уставившись на меня через обнажённое плечико.

Да что ж такое-то. Я изо всех сил смотрел в сторону.

— Вам принадлежат огромные территории в пустошах, куплю у вас их. Ну и потом вы меня приютили, буду платить аренду, а вы мне помогать будете. Мне вот бумаги всякие оформлять надо. А ещё информация. Вот, например, с вами учится такая Лилия Полежаева, мне интересно жива ли она.

— А что с ней могло случиться? — резко напряглась Адель.

— Тоже что с Вейко Хаакиненом и княжичем Голицыным — разбойники убили. Мы с вашим батюшкой третьего дня банду зачистили, они погубили не меньше двадцати человек, но женщин среди них не оказалось.

— А этот там что делал? — Адель даже не назвала боярина-сталкера отцом. Вот же ж су... суровая девушка.

— Это вы так о Захаре Харитоновиче. Низко же вы цените тех, кто жизнью ради вас рискует, — зло проскрипел я. — Нас было четверо с обычным огнестрелом и арбалетами, а разбойников двадцать пять и у каждого магическая броня и самострелы, но мы живы, а они нет. Посмотрел бы я, как вы запели, окажись среди них, и кого бы звали на помощь...

Мне стало откровенно противно. Подростковые проблемы, подростковыми проблемами, но у всего есть свои границы. Я встал и проскрипел:

— Я к ратманам. Вечером зайду кое-что забрать.

— Постой-ка, брат, нам по пути, — сказал Сергей Харитонович.

Мы втроём вышли из домика. Ратман протянул мне ключи. Я молча запер дверь, повернулся и двинулся через сад. Сейчас он показался мне ещё отвратительнее.

Когда мы вышли на улицу, Сергей Харитонович заговорил.

— Ты прости её, с отцом поссорила... — ратман замолчал, видимо, подбирая слова.

— Я видел таких, как она — они пьют и едят нашу смерть! Их дети сходят с ума оттого, что им нечего больше хотеть... — опа, опа, ещё цитатка пригодилась, хотя мне опять пришлось её перевернуть.

Ратмáн всё не мог отойти от моего внезапного красноречия. Он же не знал, что этот экспромт, как и все лучшие экспромты на свете, был тщательно подготовлен заранее.

А я про себя улыбался. Вот мы от девушки и отделались. А если ещё что, кто придумает, так у меня ещё пара цитаток имеется. Как там, в песне поётся: «Поздно, Адель...».

Мы спустились с горы и, не взбираясь на мост, который здесь оставили исключительно для красоты, двинулись сквозь новую застройку, выросшую на месте железнодорожных путей. Какой смысл сохранять их, если всё равно ехать некуда.

Здания мне понравились. Настоящий конструктивизм — правильные геометрические формы. Местами даже, пожалуй, весьма тяжёлые, но в них действительно много воздуха. Смотришь и понимаешь, что новостройки тоже могут быть красивыми, это тебе не хрустальные за... короче, неважно.

— Ты про банду серьёзно? — минут через десять спросил ратмáн.

— Абсолютно, если б не Захар Харитонович, там бы и сгинул, — мрачно проскрипел я, — Среди них один гад был, так у него щит, пули не брали. Они и правда делали там что хотели. Я, кстати, по-прежнему готов платить за информацию, включая судьбу госпожи Полежаевой.

— Доберёмся, я в конторе выясню. А что с трупами сделали? — устало спросил ратмáн.

— Они христианских похорóн не заслужили — там бросили.

— Жёсткий ты, — сказал Сергей Харитонович.

— Видели бы вы, что эти уроды творили, иначе бы отнеслись, — проскрипел я. — Они, кстати, использовали заклинание ловчей сети, так что среди них кто-то из ваших был.

— Собственно, об этом я и спрашивал, — сказал Сергей Харитонович, — про заклинание нам уже сообщали.

Контора ратмáнов находилась на улице Серых братьев. Это было здание в стиле всё того же северного модерна. На фасаде его красовались гранитные барельефы, изображающие рыцарей, волков и медведей. Всё же, даже неопытный глаз замечал, что это новодел. В моей памяти его здесь не стояло.

Несмотря на ранний час, а не натикало ещё и семи, тут оказалось людно. Вообще-то, в средневековой Европе ратмáнами называли выборных помощников бургомистра, но в здешней России они были странным гибридом нацгвардии и следственного комитета.

Сергей Харитонович, оставил меня ждать в небольшой комнатке, то ли переговорной, то ли допросной, а сам двинулся за документами. С его слов, их он оформил задним числом. Точно той же датой я был зачислен в академию.

Тем не менее он сказал, что надо сходить показаться. Причём лично ректору. Вот у человека работы мало. Я, когда преподавал, секунды лишней не имел, чтобы со всякими лоботрясами разговаривать.

Минут через пять случилось то, чего я и ждал. В переговорную назовём её сегодня так, вошли трое.

Старший из них на вид перешагнул через полувековой рубеж. Волосы и борода его были коротко острижены. Мужчина носил самый обычный костюм, каких я много видел на улицах.

Воротник его косоворотки оказался девственно чист. Передо мной стоял человек, не относившийся к боярам или дворянам.

Двое парней, пришедшие с ним, носили примерно тоже. Разве что, в отличие от начальника, лица их носили следы солнца и ветра. У обоих вышивка на воротнике отсутствовала.

Старший держал в руках какой-то свёрток. Первым делом он бухнул его на стол, развернул и по комнате стал волнами расходиться аромат свежих домашних пирогов.

Потом опричник, ничего не говоря, достал стаканы и разлил что-то из бутылки. К слову, судя по запаху, напиток был безалкогольным.

Я молча ждал развития событий. Опричники, а это были именно они, расселись. Старший из них глубоко вдохнул носом ароматный воздух и произнёс:

— Прохор Фёдорович — он протянул мне руку.

Рукопожатие у него было крепкое, но ладонь мягкая, в отличие от Семёна и Евграфа, двух его молодых подчинённых. Ни на одном из них я не видел фиолетовых знаков, но на разбойниках их тоже не было. Хотя, может, те бандиты и не служили Умникам.

— Репей, — представился я.

— Прошу прощения, — уставился на меня глава опричников. — У тебя есть имя?

— Как видите. Номер мой, Прохор Фёдорович, я думаю, вы отлично знаете, так что давайте так, — проскрипел я, — Однако прежде чем мы приступим, я бы хотел видеть ваши паспорта, справки о форме допуска, отношения на работу в этой организации и, конечно же, командировочные предписания. То, о чём мы, возможно, будем говорить, не терпит лишних ушей, — я отчаянно импровизировал. Откуда мне знать, как в этом мире называются соответствующие документы.

Опричники переглянулись, один из них молча встал и вышел.

— Ты, парень, не стесняйся, бери пирожки-то, — добродушно предложил мне Прохор Фёдорович. Я так понимаю, игра в доброго дядюшку была здесь обязательным элементом переговоров.

Если честно, последнее, чего мне хотелось это перевести ароматный продукт. Я ещё не получил подтверждения, но был практически убеждён в судьбе еды, попавшей мне в руки. Что ж, опробуем свою способность. Как и ожидалось, пирожок рассыпался серой пылью.

— Так, со всем остальным, — проскрипел я. Опричники обалдело смотрели на кучку пепла, разместившуюся посреди стола. — Жалко пирога — вкусный, наверно. Архимага вяленого не желаете? — те явно не хотели, — ну и правильно — добавил я, — редкостная гадость.

Где-то через минуту возвратился молодой, с документами. Они были непохожи на те, что я видел в прошлой жизни, а вот содержание их оставалось прежним.

Кстати, в этом мире интересным занятием оказалась проверка печатей. Стоило поднести ладонь, как они оживали, обращаясь в странные, словно бы сплетённые из светящихся нитей конструкции.

Я поведал им свою историю. В этой версии я не помнил ничего о том, что случилось со мной до суда, но точно знал — у меня есть задача. Я путался в том какая, но хранил твёрдую уверенность в её критической важности.

С моих слов выходило, что у меня был напарник, который умер на первом году срока в Медногорске. Дальше я рассказал всё, опустив, правда, некоторые детали. В моей версии, попав на плешь, я видел странные сны, в которых жил в другом мире, и из них многое узнал.

Не могу сказать, сколько это заняло, но когда я закончил, повисло тяжёлое молчание. Прохор Фёдорович, копавшийся в листах, спросил:

— Скажи Репей, допельгангер, я правильно говорю, он действительно был твоим двойником?

— К сожалению, не знаю, — проскрипел я, — я кровью истекал, к тому же темнота стояла. Я могу, примерно описать место боя, где мы сражались.

— Ты говоришь, что те балахонники охотились на эльджи, но они ведь обладают огромной силой и скоростью, — Прохор Фёдорович говорил не спеша, словно взвешивая каждое слово.

— В первые пять суток после возвращения они уязвимы. К тому же существование пустошей и гибель эльджи — это родственные вещи. Я не помню, как они взаимосвязаны, но смертей ушастых никак нельзя допускать.

Говорят, будто Геббельс учил своих прихвостней: говорить правду, только правду и ничего кроме правды... но не всю.

У меня оставалась ещё куча дел, и я решил достать свой козырь. Я вытащил из рюкзака ствол. Распаковал и положил его на стол. Это была чрезвычайно футуристичная редукторная пневматическая винтовка. С помощью всего лишь одного поворота ключа она превращалась из игрушки в боевое оружие.

Дальность боя пятьдесят саженей, оптический прицел, ствол с глушителем, пять запасных баллонов для сжатого воздуха, барабан на восемь пуль. И главное, у меня имелся электрический компрессор, с помощью которого я мог заряжать ёмкости.

Проخور Фёдорович благоговейно взял оружие в руки.

— Какая лёгкая, — он принялся крутить винтовку.

— У меня таких пятьдесят штук, — проскрипел я.

— Что ты хочешь взамен? — спросил опричник.

— Много чего — проскрипел я. — Мне нужно построить город на двести пятьдесят тысяч жителей. Оружия будет много. Разного. Есть взрывающиеся ловушки, их зовут минами. Холодняка сотни единиц.

Я достал из рюкзака помповый дробовик. Отличная, между прочим, модель. Я потратил всего минут десять, чтобы собрать его. Продемонстрировал опричникам и произнёс:

— Таких у меня двадцать, и я могу научить вас делать патроны. Ещё тридцать автоматов, — тут я врал. АКМов было намного больше, но я был должен часть из них Эноэ. — Пятьдесят пистолетов, — тут я тоже лукавил, я знал, где взять несколько сотен резинострелов, но пока молчал. — Дальше оружие пересортицей. Кроме того, я смогу достать для вас броню вроде той, что сейчас на мне, и много чего ещё.

Проخور Фёдорович несколько минут думал, а потом спросил:

— Скажи, Репей, в случае гражданской войны, на чью сторону встанешь ты?

Глава 4. Снова в школу

— Станный он какой-то — протянул аналитик. — Определённо военный — это точно, скорее отставной, но возраст... Хотя после Медногорска его определить проблематично. Вот смотрите, Василий Ардалионович, основные понятия, которыми он оперирует: долг, приказ, боевая задача, отработали, ликвидация... Это всё вполне нормально.

А вот... так... ага... зачистка. Вы когда-нибудь слышали подобное? Та-ак, ещё: ствол, патрон, это я так понимаю та свистулька, которую в огнестрел заряжают. Или вот гильза, редуктор... А поговорки: вот, например: — «у экипировки, как у жизни, нет цены». Или вот это: «встану на ту сторону, которая построит город и даст эльдфи автономию в рамках империи».

Я, всю библиотеку перерыл, но выяснил значение термина. Автономия это вхождение области в состав государства с правом принимать собственные законы. Откуда он вообще слово-то это взял?

— Возможно, важно не когда, а где?... — протянул контрразведчик. — Может быть так, что вся его выправка из тех снов, которые триста восемьдесят шестой видел на плечах. Он же сам говорит, что чужой мир помнит намного лучше этого.

С другой стороны, по-настоящему значимо только то, чей приказ наш парень выполняет, врага или друга? Вообще-то, мощный ход: лучший способ сохранить тайну — это её не знать. А он почти ничего не помнит. Всё же Репей лгал в течение рассказа?

— Определённо нет, или он абсолютно убеждён в истинности всего, что сообщил, — продолжил аналитик. — Слова Репья подтверждаются целой кучей свидетельств. Уничтожение банды подробно описал Захар Мышкин, а Сергей — его брат подтвердил, что тот принёс совершенно новые вещи как со склада... Потом наша запись конфликта с эльдфи и собранные доказательства.

— Спасибо вам, Андрей Сергеевич — устало сказал контрразведчик.

Когда тот ушёл, Василий Ардалионович отправился к Прохору Фёдоровичу. Стоило им запереться в кабинете, установив защиту от прослушки, как Василий Ардалионович захохотал. Смеялся он минуты, наверное, три, и только успокоившись, заговорил:

— Старый ты пройдоха, Прохор Фёдорович — погрозил товарищу пальцем начальник северо-западного отделения.

— Почему же? — спросил тот.

— Ну, хорошо, — продолжил Василий Ардалионович, — парень претерпел бесчисленные тяготы и лишения, от которых даже утратил память, но остался верен долгу. По крайней мере, в том виде, как он его понимает, — опричник говорил уже серьёзно. — Герой, однозначно герой! Что ж тут такого?

Вербовать его не надо. Мы знаем цену, нам известны сроки, в которые её предстоит заплатить. По нашим данным фон на скандинавском полуострове поднимается с той же скоростью, что и здесь. Так что объяснить строительство города будет совсем легко.

Но это ещё не всё, мы получаем хабар и чистяк в огромных количествах и лучшего качества, чем кто-либо. Кругом одни победы. А цена... Ну так ведь и прибыль будет запредельна. А главное, контакт с ним только у нас. По большому счёту неважно, кто будет за нами стоять.

— Экий вы... как бы себя не перехитрить-то, — тут уже усомнился Прохор Фёдорович. — Неужто собрались переметнуться на сторону Юсуповых.

— Да кого угодно... — Ответил Василий Ардалионович. — Впрочем, прямо сейчас я предлагаю оформлять бумаги, а потом идти к их высочеству. Мне кажется, эта история для девушки самое то. Герой, который прошёл через тяжкие испытания, но не сломался.

И потом... Это, знаете ли, отличное начало царствования, возвращение потерянных территорий, приобретение новых, причём с населением необычным. Кстати, а парень наш часом

книг на плешах не находил. О-о-о, погодите-ка вот нам Громов и послужит. Он же ведь бредил тогда, помните, знания иных миров, там, забытые теории...

Третьим по порядку, но не по значимости, пунктом моего назначения была церковь. Я отправился в Свято-ильинский храм на горе. Ещё в той жизни мне нравилось это место. Вроде как рядом мост и сортировочная станция, а тишина и покой здесь просто фантастические.

Сама церковь совсем невелика, зато окружена небольшим парком. В этом мире он, правда, был намного обширнее, но это лишь улучшало впечатление. Чистые дорожки, маленький фонтан и детская площадка совсем меня не напугали, наоборот, мне захотелось здесь остаться.

Я только лишь успел подняться по лестнице, ступени которой отполировали тысячи ног, когда своим вторым зрением увидел огонь. В этом месте никаких разноцветных знаков и символов не нашлось. Зато всё заполнял СВЕТ.

Я вряд ли смогу адекватно описать его. Просто там, внутри храма сияло пламя. Нет, не тот жалкий жёлтый огонёк, живущий в печи или костре, а голубое термоядерное пламя, в котором рождаются и исчезают миры.

Я двинулся к храму, и СВЕТ, исходивший из него, пронизал меня насквозь. Это было почти невыносимо. Совсем не так, как тогда, когда меня резали эльфы. Нет, сейчас боль причинял мне стыд.

Чем ближе я подходил к дверям храма, тем сильнее это чувство мучило меня. Стыд разжигал пламя в моей душе, и оно было горячее того, что горело в церкви. Я вошёл в двери храма и с трудом двинулся внутрь.

Обычным зрением я видел вполне привычную для меня церковь. Белёные стены украшали иконы в золочёных окладах, перед которыми стояли начищенные медные подсвечники.

Литургия уже кончилась. Прихожане разошлись. Только у аналое — иконы на аналое в центре храма, стоял священник и разговаривал с какой-то женщиной.

Я с трудом шагал, и меня шатало. Вторым зрением я видел, что внутри священника горит всё тоже истинное пламя.

Подойдя я с трудом проскрипел:

— Здравствуйте, отче, я хотел бы покаяться.

— У нас исповедь перед литургией или вечером, — спокойно ответил мне священник.

— Прошу прощения, я живу в пустошах и не знаю, смогу ли прийти ещё, — проскрипел я. — Я два года не исповедовался, пока на каторге был. Я очень вас прошу.

Он какое-то время раздумывал о чём-то, а потом произнёс:

— Хорошо.

Я не стану рассказывать вам всё, о чём говорил, потому что это моё личное дело. Впрочем, кое-что поведаю. Пока я шёл от двери до аналое, я понял одну вещь.

Я сотворил себе кумира из своей мести. Я служил ему и молился ему. Я положил на его алтарь всё, что имел. Я забыл себя, забыл Бога.

Нет, я молился Ему, поминал Его, но сокровище моей души оказалось не с Ним. Во имя своих идолов я совершал ужасные вещи, ни секунды не сомневаясь в том, что делал. Я участвовал в создании опасного вируса, я впустил в свой мир чудовищ.

А ещё в тот миг я понял, что в случившемся здесь виноват в том числе старый я со своим порталом. Это мы столкнули миры, заставив их наложиться друг на друга.

Позволили Умникам безнаказанно высасывать силу из этого мира. Слеплённые своей беспредельной гордыней, мы открыли путь злу. Я сам оказался здесь, потому что должен был исправить содеянное.

Эта исповедь была, наверное, самой тяжёлой в моей жизни и самой долгой. Священник молча выслушал меня, отпустил грехи и назначил епитимию.

Отойдя от аналоя я почувствовал, что СВЕТ больше не жёг меня, так как раньше. Я вышел на улицу, купил в лавке нательный крест, молитвенник и Библию. Закончив с этим, снова вышел к храму, а потом упал на колени и долго так стоял, глядя в серые облака.

Я вспомнил картину, виденную мной в Териоки. На ней сталкер в истыканном стрелами бронжилете стоял на коленях перед церковью и молился, подняв лицо к небу. Что ж, бешеный Рэд, мы с тобой одной крови, ты и я...

— Репей! — я резко обернулся. Звонкий голос принадлежал высокой девушке. Одета она была в строгое чёрное платье и платок. На их фоне особенно впечатляюще смотрелись очки в золотой оправе.

Девушка бежала за мной со всех ног, путаясь в длинной юбке. Я сгруппировался, готовясь к бою. Миг, и она оказалась совсем рядом со мной, настолько близко, что я почувствовал запах её волос.

— Привет, — тихо сказала она.

Я резко отстранился.

— Вы меня, верно, с кем-то путаете — проскрипел я.

— Репей?! Живой! Живой!.. — она широко улыбалась. — Ты не узнаешь меня?

— Сударыня Лилия — потрясённо проскрипел я. — Не ожидал столь бурной встречи.

— И-извини... — Она отстранилась, улыбаясь. — Просто я думала, что ты тоже погиб.

— Ну, практически — проскрипел я.

Нет, конечно, это очень приятно, когда так близко к тебе оказывается девушка, но как-то это... а вдруг тут такое не принято. И потом, я вот старый дурак, могу напридумывать себе чего лишнего.

После смерти Лены и детей я интересовался только мезтью. Пустоту, оставшуюся во мне, хоть ненадолго заполнить могла лишь она. Потому общение с женщинами меня того старого меня крайне мало интересовало.

Более того, прежде, чем пойти на ту работу, нас тренировали молчать под пытками. Обучение было исключительно практическим. Мне загоняли иголки под ногти, сточили зуб надфилем, били током и ещё много чего.

Только убедившись, что я рассказываю исключительно оговорённую версию событий, мне позволили участвовать в исследованиях.

Так вот, когда интересная женщина вдруг принималась строить мне глазки, я представлял в качестве продолжения, не то, о чём вы подумали, а многосуточные допросы, пытки и медленную мучительную смерть. Почему я всех подозревал, да потому что сам прилагал кучу сил, чтобы выглядеть не статусно.

Кому интересен потрёпанный жизнью скуф в застиранной футболке с надписью «пузо не от пива, а для пива»? Да никому! Короче, я всячески старался избегать таких ситуаций, как сейчас.

Были у меня подозрения на счёт Эвииль? Да ещё какие! Только выбор у меня отсутствовал. Других информаторов-то из эльфов у меня не было, и я вынужден был работать с тем, что есть.

— А ты куда идёшь? — спросила она.

— Мне это... — я неопределённо покрутил рукой в воздухе, — в академию надо. Меня туда за чем-то зачислили. Хотя я маговать, то есть магичить, короче, ну вы поняли... теперь не способен. Да и раньше-то, по сути, не мог, — махнул я рукой.

— Мама, а это — Репей! — радостно закричала Лилия. — Я тебе о нём рассказывала, — к нам подошла высокая женщина в таком же чёрном платье. Она была ещё совсем молода и, как бы это сказать, очень аристократична. Сразу видно, что Лилия — её дочь.

Ну, это уж совсем ни в какие ворота не лезет! Второй раз за день я кому-то интересен. Я, между прочим, волк-одиночка, на минуточку!

— Здравствуйте, — как мог вежливо, представился я. — Душегуб: любить не стоит, да и жаловать тоже ни к чему. Последнее время кличут Репьём. Шире известен, как Медногорский Мясник. Как-то так.

Женщина внимательно рассматривала меня, наклонив голову к левому плечу. Потом, видимо, что-то для себя решила и произнесла:

— Ну, здравствуй, душегуб. Я мама Лили, Клавдия Ивановна. И много ты сегодня народу погубил? — голос у неё был глубокий и мягкий.

— Пока никого, но день-то ещё только начинается, так сказать, всё ещё впереди, — кроважно просипел я.

— А вчера? — не унималась Клавдия Ивановна.

— Третьего дня двадцать пять человек с Захаром Харитоновичем отработали.

— Ты не лжёшь! — потрясённо сказала она.

— А вы что думали — я плюшевый мишка?.. — проскрипел я, в очередной раз ввернув цитатку. И, между прочим, не переврал. — Кстати, сударыня, не покажете мне, как пройти в академию, надобно у ректора появиться.

— Чтоб такого, как ты, учиться взяли? — недовольно спросила Клавдия Ивановна.

— Надеюсь, меня отчислят, — проскрипел я. — Меня не пойми из-за чего записали. А зачем? Я это... — продолжал я, — пытался у ратманов договориться, а они в позу встали. Мол, положено, и всё тут.

Лицо Клавдии Ивановны вытянулось.

— Ты пойдёшь просить, чтобы тебя выгнали, — она даже рассмеялась. — Вот сколько живу, а такого не слышала. Люди на всё готовы, чтобы в академии учиться, а ты просишь тебя отчислить.

— А я не всё, — пожал плечами я.

— Мам, да он шутит, — встряла Лилия.

— Я серьёзно, — как мог, жёстче проскрипел я. — Мне тут делать нечего. Моя жизнь там — за стеной — качнул я головой в сторону Папульской улицы, которая вела к воротам. — Я тут только ещё натворю чего.

— Скажи, Репей, — опять наклонила голову Клавдия Ивановна, — а за что тебя в Медногорск отправили?

— Чего ж тут не знать. Статья сто двадцать шестая, пункт Б — «Убийство с применением магических способностей».

— Но ведь ты же почти не мог создавать плетения, — женщина внимательно смотрела на меня. — Сам ведь сказал.

— Давайте не будем... да и зачем... сестру уже не вернёшь... — да с чего это мне оправдываться-то? Я же душегуб, убивец и злодей.

Ситуация мне всё меньше нравилась. Клавдия Ивановна явно была умна и со всё большим интересом смотрела на меня. Да что ж такое-то!

— Скажи, а почему ты спас Лилю? — она наклонила голову в другую сторону.

— Ну-у... — меня поймали. Вот не делай добра, не будет и зла! — Я таких, как эти уроды в Медногорске знаете, сколько повидал. Ненавижу! Зверьё людьми прикармливали, чтоб кристаллы достать, — меня самого начало трясти от злости.

— А ты в ярость пришёл оттого, что Лилю кто-то обидеть хотел...

— Если бы только её — устало вздохнул я. — Они многих убили и погубили бы ещё больше. Те два парня совсем дети были.

— А ты взрослый? — подняла бровь женщина.

— А меня не просто так Мясником кликали, — ответил я. — Не таких уработывал.

Клавдия Ивановна всё так же пристально смотрела на меня.

Блин! Да что ж делать-то?! А ну-ка погодите, сейчас я тему-то переведу!

— Скажите, пожалуйста. Госпожа Лилия, а где ваше оружие. Я вам его для чего дал? — возмутился я. И правда, макар-пистолет по местным меркам — не хухры-мухры.

— А где книги из другого мира? — мило улыбнулась она.

— Это потом. До них ехать далеко, — мрачно ответил я. — Карл Петрович предупредил, отобранную добычу в пустошах не прощают. Вы каждое мгновение к нападению готовы должны быть, — наставительно произнёс я.

— Ой, да прекрати ты! — улыбнулась Лилия. — Здесь не пустоши, тут и полиция, и ратманы.

С этими разговорами мы и добрались до академии. Её территория занимала весь южный склон горы Папулы и простиралась почти на четыре версты вдоль бухты Радуги, которая здесь была намого больше, чем в моём мире.

Местный Хогвартс располагался совсем не в старинном замке, а в нескольких десятках зданий в стиле конструктивизма, разбросанных по большому парку.

Лилия взялась меня проводить, несмотря на моё отчаянное сопротивление. Самое неприятное, что ещё и Клавдия Ивановна отправилась куда-то по своим делам.

Пока мы шли до административного корпуса, я выслушал целую лекцию об устройстве здешней академии и её истории. Я сейчас не буду утомлять вас подробностями, но тут имелся и факультет для выродков.

Лилия вежливо назвала нас «гражданами с низким уровнем магических способностей». Сокращённо ГНУМС, но в быту выродков и простолюдинов здесь звали просто гнумами.

Слово это было не то чтобы обидным, скорее что-то вроде нашего «представитель интеллектуального большинства». Впрочем, имелся и совсем унижительный вариант — гнус.

Ректор нынешний приходился Лилии родственником — отцом. Клавдия Ивановна развелась с ним, когда Иван Георгиевич получил срок в Медногорске. По той же, кстати, статье, что и здешний я.

Он был одним из всего шести заключённых в истории, вышедших с Медногорской каторги на свободу и прожившим после этого больше года. К слову, попал он туда за вполне реальное преступление.

Единственной работой, которую талантливый молодой маг смог найти после отсидки, оказался смотритель башни. Так называли тех, кто контролировал границы пустошей. С отцом Лилия крайний раз виделась перед поступлением, когда тот каким-то чудом смог попасть на родину в Воронеж.

Никто точно не знал, как в полном одиночестве Ивану Георгиевичу удалось стать архи-магом, но искусство его впечатляло буквально всех. Лилия отцом, как ни странно, очень гордилась, но, увы, встречаться не спешила, да и замолвить за меня словечко вряд ли бы смогла.

Почему бывшего сидельца назначили целым ректором академии? Да просто потому, что должность эту давали только архимагам. А других свободных волшебников такого уровня в империи не нашлось.

Внутри административный корпус был самым обычным. Отделанный полированным гранитом холл, охранник на входе, подвальный гардероб. Увы, неприятности не заставили себя долго ждать.

Кабинет ректора располагался на третьем этаже, куда вёл левитационный колодец. Эта штука заменяла здесь лифт. Просто круглая труба. Всё, что надо было сделать — это встать на площадку и внятно произнести номер этажа.

Мы с Лилией отстояли небольшую очередь, и она улетела вверх.

Я тоже попытался проверить такой фокус — не прокатило! В общем, я под удивлёнными взглядами студентов с позором ретировался искать лестницу.

И что бы вы думали?! Естественно, её тут не нашлось. Вернее, как мне смеясь, сказал охранник — была, но пожарная, снаружи здания. Такой, знаете ли, широкий стальной трап, покрытый выдавшей вида чёрной краской. Конечно же, до земли он не доставал сажени на две.

Этим меня было не остановить. До третьего этажа я добрался вполне спокойно. И тут начались проблемы. Окно, возле которого мне повезло оказаться, вело в довольно большой кабинет явно начальственного вида.

Внутри, к моему удивлению, целовалась парочка. Ну, по крайней мере, так подумал я.

Я вежливо постучал в стекло. Нет ответа!

Ещё раз. То же самое!

В третий раз. Никакой реакции!

Ну как хотите. Я вас предупреждал!

Я вытащил из петли на поясе топор и со всей дури саданул им по оконной раме. Раз, другой, третий! Любо дорого смотреть! Всего с пятого раза обломки стекла и дерева полетели вниз, а я запрыгнул внутрь.

Моё появление не произвело на парочку ровным счётом никакого действия. Тут я, старый дурак, не удержался и заорал:

— Полиция нравов, всем лежать!

Мой вопль возымел совершенно неожиданное действие. То есть вполне ожидаемое, только я был не прав относительно тех в комнате. Так вот, пара на меня таки обернулась.

Девиц, которой едва ли исполнилось двадцать, заорала, а её партнёр оказалась стареющим длинноволосым «юношей», весьма надо сказать, импозантным и уже прошедшим земную жизнь до половины, а то и на все три четверти.

Он словно сошёл с обложки женского романа, какие мне случалось видеть в моём мире. Одет «юноша» был в длиннополый приталенный камзол, который я из-за неудачного угла зрения принял за платье.

— Вы что себе позволяете?! — немедленно возмутился я. — Кто ответственный за пожарную безопасность в помещении, а?!

— Да ты знаешь, с кем разговариваешь?! — заорал юноша третьей свежести. — Я... я... — бедолага тяжело задыхал, схватившись за грудь.

Вот честно, я искренне ему посочувствовал. Стенокардия — это очень больно. Я достал нитроспрей из аптечки, подошёл к замершему бедолаге и мрачно скомандовал:

— Рот открыл! — тот подчинился. — Язык вверх, вот так, — я брызнул ему три дозы. Всего через минуту он шумно выдохнул и схватился за виски. — Ну, что, отпустило? — прокрипел я.

Тот утвердительно помотал головой, подошёл к стулу и рухнул на него.

Я протянул ему баллончик, назидательно сказав:

— Это тебе в набор пожилого ловеласа. В наши с тобой лета согласие женщины уже должно пугать, а не радовать. А вы — девушка, не наседайте на него. У него всё-таки возраст... а то таким макарком внуки дедушку домой не дождутся...

Я добродушно похлопал мужика по спине и двинулся к двери. Впрочем, меня опередила девица, с воплем выбежавшая в коридор. Чего я не так сказал-то?

— Ну и гад же ты! — голос у юноши третьей свежести, оказался глубоким и даже, пожалуй, мелодичным.

— Ты дверку-то не закрывай, а то мне скоро вылезать, — просипел я в ответ и двинулся в коридор. На стенах висели картины в тяжёлых рамах. Тематика их мне очень не понравилась, было в них что-то скабрезное, даже не знаю как это выразить.

В коридоре тем временем царил форменный бардак. Девушка, на моих глазах, вопя, что есть мочи, скрылась за углом в той стороне, в которой, по моим расчётам, должен был находиться левитационный колодец.

Я успел пройти пару шагов, как одна из дверей распахнулась явно от удара ногой, и в коридор вылетел самый настоящий пират. Он носил кожаные брюки и такой же камзол. Обут флибустьер был в высокие ботфорты, а лысую голову, повязал красным платком.

Под носом его воинственно топорщились пышные усы, продолжавшиеся во всклокоченную некогда рыжую бороду с изрядной проседью.

В левой руке он сжимал довольно длинный тесак, покрытый теми самыми едва заметными голубыми письменами магии, которую я не мог разрушить. В правой держал пистолет «Люгер», или «Парабеллум» так вот и не скажешь...

Я на мгновение даже завис. Пират же, не тормозя, вскинул пистолет и скрипучим голосом, словно работал какой-то давно не смазанный механизм, заорал:

— Я дурак, бросай оружие!

Я вскинул автомат и низко пригнулся, готовясь к бою. Тут сзади меня раздался знакомый мелодичный голос:

— Репей, ты, что здесь устроил?! — говорила явно Лилия. Секунду она помолчала, а потом потрясённо произнесла. — Отец?!

Вот это поворот!

Глава 5. Наука Били Бонса

«Мне нет покою сам тому не рад. Что начинаю думать как пират. Прогнать дурные мысли нелегко. И снова тянет крикнуть Йо-хо-хо...» А. Князев

Приходилось ли вам, мой дорогой читатель, видеть, как тихая отличница распекает двух возрастных учёных, один из которых к тому же целый ректор академии?

Нет? Не приходилось? Вот и я не имел чести лицезреть.

Лилия просто замерла чуть только не с открытым ртом, увидев сцену в коридоре. Уж и не знаю, что бы было, если бы ей на помощь не пришла женщина лет эдак тридцати пяти в строгом костюме, который, между прочим, шикарно на ней сидел. Я не имел ни малейшего представления, откуда она там взялась, но вид имела самой настоящей Марьванны, поймавшей двух хулиганов за шалостью на перемене.

— ...учебное заведение с давними традициями, — возмущалась она, тыкая в нас неведомо откуда появившейся у неё газетой. — А вы тут устроили! Один в окно лезет, другой в таком виде по коридорам носится...

Я стоял, благоговейно внимая речи женщины, а вот Громов, бочком, бочком, отходил в сторону двери своего кабинета. В этом деле у него явно была определённая практика. Судя по эмоциональному накалу, дама дошла примерно до середины своей лекции.

Ректор, улучив момент, резко схватил меня за рукав и одним движением втащил в кабинет, захлопнув за нами дверь, которая тут же покрылась странно переливающимся сиянием. Я, честно говоря, даже опешил.

Он шумно выдохнул.

— Настоящая Шереметьева! Мы с ней в одно время в Севастополе учились, — уважительно проскрипел ректор. Название города он произносил на морской манер с ударением на «а». — До вечера так теперь будет, — махнул рукой пират. — А ты парень, собственно, зачем здесь?

Я присмотрелся к пирату-ректору и вдруг понял, что он ещё совсем молод — лет тридцать пять, может, чуть меньше. Впрочем, и его бывшая была едва ли старше. Рано же у них дочка родилась.

— За-а мной, — скомандовал пират.

Тут только я заметил, что мы оказались не в кабинете, а в приёмной и на меня во все глаза смотрит не слишком юная и весьма мужиковатая прелестница лет эдак сорока в строгом костюме-тройке. У неё была короткая мальчишеская стрижка, причём волосы были выкрашены в розовый.

Пока мы шли, завеса вдруг стала колебаться, а потом исчезла. Дверь распахнулась и в комнату влетела возмущённая Шереметьева. Секретарь немедленно принялась, или это он?.. короче, принялось ей улыбаться.

Мы вместе с пиратом Громовым почти бегом заскочили к нему в кабинет. Он, похоже, тут и жил.

Комната надо сказать носила следы совсем недавней роскоши. В середине стоял массивный письменный стол буквой «т». На окнах висели тяжёлые партьеры с золотой вышивкой.

Одна из них правда была прожжена в паре мест. Пол был искусно выложен паркетом, который безжалостно поцарапали, таща что-то. Тончайшая гнутая мебель эпохи барокко была поставлена друг на друга в дальнем углу.

Всё помещение было завалено какими-то приборами, книгами и мусором. Вот натуральным мусором: пустыми консервными банками, дырявыми кастрюлями, рваной одеждой. И всё это сияло и переливалось всеми цветами магии.

— Я собственно это... отчислиться хотел, — неуверенно проскрипел я.

— Так... за неуспеваемость? — деловым тоном просипел пират-ректор, копаясь в бумагах у себя на столе.

— Нет, за хулиганские выходки. Ну, там... — я замялся. — Порча имущества академии, — начал я загибать пальцы, — вечером, думаю, драка добавится, потом можно к студентке приставать.

— Да, ты это... задай им там, а то расслабились тут, понимаешь... — отстранённым тоном произнёс ректор Рыжая Борода. — А я-то тебе зачем?

— Так это отчисление по собс...

— А ну-ка брось это! — возмутился он. — Ты первый нормальный человек, который встретился мне здесь за целую седмицу. Второй — это дочка моя, и то я теперь всех, кто тут учится, подозревать начинаю. Взять вон хотя бы Бориса...

— Кого? — не понял я.

— Кого, кого? Секретаря моего! — ответил пират.

— Так оно, что — мужик? — у меня чуть челюсть не отпала.

— Только ему не говори, Бога ради, — ректор-пират разразился лающим кашлем. Когда приступ закончился, Иван Георгиевич продолжил. — Борис — дворянин. Моисеевы, между прочим, в родстве с самим императором. А ты его мужиком...

— Мужик — просипел я, — это тот, кто не жалеет жизни, ради семьи и родины...

— Если так, то он, конечно, к ним не относится, — проскрипел пират, вновь заразившись лающим кашлем.

А ведь и правда, мужик — это простолюдин, крестьянин. В сословном обществе это легко может сойти за оскорбление. Иван Георгиевич тем временем продолжал кашлять.

Стоп! А секретарь что, реально Борис Моисеев?! Вот это поворот!..

Только сейчас до меня дошло, что это у ректора такой смех. За всё время пребывания здесь, я ни разу не смог ни улыбнуться, ни засмеяться. Вообще, лицо моё превратилось в одинаковый во всех ситуациях покерфейс. Чему немало поспособствовали шрамы, сплошь покрывающие физиономию.

Я уже успел смириться с тем, что выражать эмоции практически неспособен. Приятная новость о том, что со временем я смогу смеяться застала меня врасплох. Ну да ладно...

— Так, значит, насчёт драки, — вытирая слёзы с глаз, произнёс ректор-пират. — Найди каких-нибудь старшекурсников, лучше компанией и отметель хорошенько, только руки -ноги им не отрубай, а то мне их потом отращивать долго.

— А что мне за это будет? — тут же заинтересовался я.

— Ничего, — не понял меня пират.

— Я за так не работаю, — просипел я. — Забесплатно сами идите, и метельте кого хотите, а я пойду хабар Волгину солью.

— Экий ты меркантильный! — возмутился пират. — Вот что может быть лучше хорошей драки августовским днём? — мечтательно протянул он.

— Да всё что угодно, — проскрипел я. — У меня дел по горло, рысь одна по пустошам шарится с хахалем со своим...

— А у меня дочка тоже не одна пришла, — хитро сощурился пират, — и что? Надо уметь отпускать детей из родительского гнезда...

— Это мне заявляет человек, который десять лет уже в разводе, — мрачно проскрипел я. — С дочерью лучше поговорите, а не драки организуйте.

— Ты это... молоко у тебя на губах не обсохло, батьку учить! — возмутился пират.

Вот что за мир такой? Каждый тебе в отцы набивается. Причём понимает под этим своё право командовать. — Ну, и что тебе нужно?

— Город на двести пятьдесят тысяч человек со всей инфраструктурой, — просипел я.

— Сдаётся мне, что эта твоя инф... короче неважно, стоит существенно дороже одной драки, — хитро сощурился пират. — То есть, тебе нужны деньги.

— Столько, сколько мне нужно, у вас нет, — просипел я.

— Кстати, а зачем тебе город? Не жирно ли одному-то, — задумчиво спросил ректор Рыжая Борода, пожалуй буду называть его так.

— Я там магов разведу, рысь ими кормить буду, она от этого умнеет.

Ректор мой юмор оценил по-своему.

— И всё же на фига тебе город, вон тут сколько их, корми — не хочу. Каждый год отчисляем, пускай и с них хоть какая польза будет, — он хитро шурился, явно очень заинтересовался моими желаниями.

Мне это всё надоело, и я выложил карты на стол.

— Мне нужна информация, — просипел я. — Свободный доступ во все отделы библиотеки, без ограничений — это раз. Вы отвечаете на все мои вопросы, два. Ну, и ещё мне требуется умелый зачарователь, я могу приносить очень много хабара, высокого качества. Глупо будет, если цена вещей в результате окажется ниже из-за плохого наложения... чего вы там накладываете...

— Накладывают кучу в поле, а чары налагают, — очень по-армейски отозвался Иван Георгиевич, — Чего ещё?

— И ещё мне сейчас пришлось забираться по пожарной лестнице и залезать в окно кабинета, где какой-то старый развратник очаровывал студентку. Ну, или чего-то на неё налагал... Сам как баба, а туда же, — проскрипел я. — Так вот. Он, увлечшись процессом, окно мне, конечно, своевременно не открыл. Пришлось выламывать. Так что в этих ваших богомерзких колодцах нужно устроить лестницы, как это полагается в нормальных домах.

— Ну-ка погоди-ка, — напрягся Иван Георгиевич, — это кто ещё там охмурял?

— Ну, тот из чьего кабинета девица с воем убежала, — пожал плечами я. — Такой, стареющий юноша.

— Это Клавдий что ли, он у нас тут проректором...

— Да хоть Гай Юлий Цезарь, — проскрипел я, — мне через окно забираться несподручно.

— Лезть ему неудобно! А мне козла увольнять! Так, мне от тебя докладная нужна. Иди в приёмную пиши, — вот теперь передо мной был руководитель. — На обмен согласен, я тебе всю имеющуюся информацию, а ты мне помогаешь. Это включает в себя ответы на мои вопросы.

— Чай, папиросы, ответы на вопросы, допросы, опять допросы, — просипел я. Вроде к месту пришлась цитатка, или нет?

— Ты мне эту благоту-то брось. Кем, кстати, каторгу топтал?

— Иваном, — припомнив здешние уголовные касты, ответил я. Не промахнулся. Пират удовлетворённо хмыкнул.

— Короче, сначала пишешь докладную, потом идёшь старшекурсников, метелить, — сказал он, не отрываясь от бумаг. — Уже после этого можешь студентку пригласить куда-нибудь, если, конечно, разрешит. Да о лестницах я подумаю.

В общем, вышел я от него в смешанных чувствах — и своего не добился, а вроде и польза.

В приёмной меня уже ожидали Шереметьева с Лилией. Естественно, что лекция была начата сначала, при этом мне многократно угрожали отчислением и всеми карами небесными. Интересно, что в отчитывании некоторое, пусть и очень неуверенное, но участие, приняла Лилия.

Я терпел не меньше получаса, а потом вспомнил Лину. Вот я игнорировал её гадкие выходки и что — она мне помогла? Вообще-то, да!

Но блин, у меня ещё сегодня куча дел. Да и вообще, если я Полежаевой так неприятен, так пускай поищет кого-нибудь, кто понравится!

В общем, когда я сумел-таки вклиниться в речь, то заявил:

— Госпожа Шереметьева, простите, не знаю, как вас по имени-отчеству — прохрипел я. — Я добывал малахит по колено в воде на каторге в Медногорске. Меня лишили имени. Меня пытались заживо сожрать вообще все, даже пчёлы и зайцы. За мной охотились, элдьфи. Мой собственный двойник убил меня, и вот после всего этого вы серьёзно думаете, что я боюсь кого-то кроме Бога? Отчислению я буду искренне рад, но, к сожалению, такого счастья мне доставлять никто не собирается. Так вот, сейчас я должен выполнить задачи, поставленные нашим с вами начальником, и вашим, госпожа Лилия, многоуважаемым батюшкой.

Шереметьева обалдело уставилась на меня.

— Тебя убил твой двойник, но ты же здесь, живой?! — потрясённо произнесла она.

— В аду был неприёмный день, сказали в другой раз зайти, пришлось назад вернуться, — пожал плечами я.

Шереметьева ещё с минуту пристально смотрела на меня, а потом удалилась, явно задумавшись о чём-то.

— Вот и познакомились — подытожил я. — Я прошу прощения, но мне надо писать объяснительную.

— А после что? — с издёвкой произнесла Лилия.

— А дальше, мне разрешено, — проскрипел я, — пригласить вас куда-нибудь, если, конечно, на то будет ваше желание, — ну вот вбил последний гвоздь в несостоявшиеся отношения.

— Не будет! — возмущённо сказала она и резко развернувшись удалилась.

Вот, и хорошо? Я ведь добился своего... Я же правильно поступил... да?..

Ладно. Теперь составим докладную. Достав из рюкзака бумагу и перьевую ручку, я уселся за небольшой столик, установленный здесь явно для этих целей и приступил.

Честно говоря, писал я дважды. Первый раз на черновик, затем правил, потом обдумал и ещё подрихтовал, и только тогда взялся переписывать начисто. Занимаясь этим, я не сразу заметил, что рядом кто-то стоит. Нет, не так — сзади меня собрались несколько человек.

Судя по множеству колдовских знаков на одежде, это были зачарователи. Ну или налагатели, чего они там налагают... Среди них я знал только Адель. Её, кстати, отёрли в задний ряд.

Стоило мне оглянуться, как они приобрели скучающий вид, словно совершенно случайно здесь оказались. Я тем временем спрятал документ в файллик, убрал письменные приборы и двинулся обратно к ректору.

Тут я с удивлением обнаружил, что перед дверью резво вырос тот самый секретарь Борис. Надо сказать, этот «не мужик» являлся мастером своего дела. Его можно было убить, но пока он был жив, пройти в кабинет не смог бы решительно никто.

Конечно, документы Борис не принял. Мне пришлось идти в канцелярию, где на закладную поставили входящий номер, какие-то штампы, зарегистрировали документ в журнале и так далее и тому подобное. Естественно, с меня немедленно потребовали черновик. Конечно же, чтобы подшить в дело.

— ... или вы собрались копию писать?.. — надрывалась миловидная девушка немного за тридцать. Откуда здесь все эти стареющие зумеры, блин?

Впрочем, стоило мне отдать ей четыре листа бумаги, как она лёгким движением руки из воздуха изготовила копию докладной и принялась строить мне глазки. При этом блузка делопроизводителя неведомым образом оказалась растёгнута аж на три пуговицы.

В приёмной меня ждал очередной поединок с Борисом и понимание того, как он смог сохранить своё место. Я убеждён, что в ближайшее время этот организм разительно изменится в сторону мужественности.

В конце концов пирату надоело ждать. Он выглянул из-за двери, выхватил из моих рук документы и велел идти работать. Чем я и занялся.

Под осуждающими взглядами зачарователей, оставшихся без добычи, я вышел в коридор. Там я обнаружил, что дверь в кабинет Клавдия заперта. Естественно, на стук никто не открывал. Я уже принялся накручивать себя для драки и потому просто вышиб дверь ногой. Это оказалось удивительно легко.

Здесьние жители больше полагались на магию, чем на крепкое дерево. Непрозрачная мерцающая завеса без проблем пропустила меня, оставив разочарованных студентов в коридоре. В кабинете обнаружился всё тот же пожилой юноша уже с новой девицей.

Они замерли и как зачарованные наблюдали за тем, как я, словно что-то само собой разумеющееся открыл окно и полез на лестницу и, подняв кулак, произнёс:

— Давайте держитесь там, и про лекарство не забывайте...

В этот раз юноша смог обойтись без приступа грудной жабы, а вот пиратского гнева ему явно избежать не удастся. Я спустился и двинулся на поиски неприятностей, и они не заставили себя долго ждать.

Вы спросите, почему я не потребовал у ректора объяснений нужды в драке? Почему согласился на это безобразное предприятие? Да просто потому, что план его был прозрачен как слеза комсомолки.

Здесьняя академия выпускала боевых магов. Её проблемы выглядели очевидными. Что это за военное училище, где преподают стареющие юноши в расшитых кружевами камзолах?!

Чтобы изменить ситуацию нужна была встряска, избиение же старшекурсников случайным бомжом подходило просто идеально. В общем, не прошло и пяти минут, как мне навстречу попалась очень примечательная компания. Четверо ребят несколько старше меня, в самой потешной одежде, которую я только видал.

Первый был высокий крепыш в потрёпанной куртке с гордой надписью «Министерство природопользования Российской Федерации «ВСЕГЕИ». Это если, что институт геологии, расположенный на среднем проспекте Васильевского острова.

Второй же смог побить его рекорд, на нём был обрезанный белый халат, превращённый в подобие рубашки с гордым именем «НИИБИ» на кармане. Это Институт биологии, который в новом Петергофе, если что.

Третий носил потрёпанную толстовку с надписью, явно означающей какой-то глагол в повелительном наклонении «НИПИТРТИ». На самом деле, в моём прошлом мире это была контора, ответственная за организацию дорожной сети на северо-западе нашей великой родины.

Наконец, четвёртый имел куртку с зубодробительной надписью «ГУДТП ЦЕНТР». Такие в моём мире носили дворники.

Так вот, все эти обноски, стбит сказать, отстиранные и аккуратно зашитые, буквально сияли вязью колдовских знаков, сплетавшихся в единый узор.

И вот тут я не выдержал и заржал. Нет, конечно, для окружающих это звучало как приступ мучительного сухого кашля. Впрочем, для меня на самом деле тоже. Всего пара секунд и меня буквально скрутило.

Я уже подумал, что дело худо, когда меня ударили открытой ладонью по спине. Помогло. Я разогнулся, тут же обнаружив, что высокий здоровяк, остановился рядом и внимательно осматривает меня.

— Хороши вещички, сколько отдал? — белозубо улыбнулся мне он.

Передо мной стояли вечные обитатели всех высших учебных заведений — безвредные мажоры. Знаете, такие маменькины сынки из серии — «уважай очкарика, он станет твоим начальником».

Мне показали поднятые вверх большие пальцы и порекомендовали обратиться в медпункт. Ни о какой драке эти ребята, естественно, не помышляли. Облом!

Потом нашлась компания местных хипарей в карельских национальных костюмах, лихо отплясывавших под финскую польку.

За ними последовали ребята, бурно обсуждавшие какую-то игру. Вроде как тот из них, кто учился на боевого мага, намерен смог прокачать своего слесаря до третьего разряда и был этим очень горд.

Ещё встретил множество студентов шагающих, бегущих, несущихся, прогуливающих и даже празднующих по своим делам. В плане драки эти ребята были совсем бесперспективны.

Нет, они, конечно, пялились на меня во все глаза. Впрочем, стоило на горизонте появиться милому личику, как обо мне немедленно забывали.

Я уже по второму разу обходил территорию академии, обнаружив и обследовав большинство тихих мест, когда услышал из кустов испуганный девичий голос.

— Что вы делаете, Жорж?! Пустите меня!

Намётка, увы, была так себе. Ладно, заглянем на огонёк. Даст Бог, найду приключений.

Стоило мне сделать шаг за кусты, как взгляду моему предстала глубоко возмущившая меня картина. Посреди зелени уединилась парочка. Самый обычный юноша и ничем не примечательная девушка. Вид у них был до такой степени счастливый, что мне чуть только зѳы не свело.

Моё появление, надо сказать, не прошло незамеченным. Ретироваться мне пришлось под громкую ругань девицы, углядевшей в моих действиях признаки богатого спектра половых извращений. Парень же матерился вполне качественно, но явно стеснялся и не пускал в ход весь свой арсенал.

Солнце уже давно миновало зенит, а во рту у меня не было и маковой росинки. Я нашѳл, более-менее укромное место, достал таганок, таблетку сухого вонючего, ой, то есть горючего, поджѳг её и принялся разогревать фрикадельки из сухпайкѳ.

Вообще-то, консервы уже порядком набили мне оскомину, но деваться было некуда. Здешнюю-то еду употреблять я оказался неспособен. Впрочем, Эвииль приходилось намного хуже. Эльфы — вегетарианцы, потому она пока что была вынуждена питаться в основном ступцѳнкой и шоколадками, а сладкое она не любила. Однако голод — лучший повар, и мы с ней довольствовались тем, что могли найти.

Фрикадельки закипели. Я снял их с огня и приступил к пиру, поставив на таганок кружку воды. У меня с собой была пачка быстрой лапши, так что я собирался после фрикаделек, как это называли в моей студенческой юности, запарить бомжа.

Что и говорить, а поесть, сидя на расстеленном бронежилете, — у-у-ум.

А вы ждали, что я сейчас в стиле книжек о попавших куда попало устрой себе шикарный обед в роскошном ресторане? Держите карман шире!

Это у них там перерожденцы жируют на клановые деньги. Я же простой русский попаданец, в булочную на такси не ежу. Ем всѳ, что не приколочено, а для того, что приколочено, у меня имеется гвоздодѳр.

Покончив с фрикадельками, я вылил кипяток в картонную мисочку с быстрой лапшой, и принялся крутить головой, пока еда настоится. Драться с кем-либо мне окончательно расхотелось. Я сидел, глядя в голубое летнее небо, вдыхал едкий запах бомж-пакета и чувствовал себя просто замечательно, как, наверное, бывает только в молодости.

И вот в этот самый прекрасный миг душевного покоя, когда я практически слился с окружением и стал наслаждаться своим здесь пребыванием, прямо в мою лапшу кто-то наступил.

Ещё раз: эта гнусь наступила в миску с МОЕЙ ЛАПШОЙ! Едко пахнувшей вырвиглазными пряностями, высококалорийной ЛАПШОЙ!

Во мне поднялась ярость. Меня лишили заслуженного обеда. Мне уже стало абсолютно всё равно кто передо мной, сейчас этот кто-то очень, очень сильно огребёт!

Глава 6. Экзамен

«Сила приложенного к лоху давления Сообщает пропорциональное ему ускорение. Мы это освоили ещё детворой. Это тоже закон, тоже Ньютона — второй» группа «Научно-технический рэп»

— А-а-а! — дико орал высокий худой парень, пока я выворачивал из сустава его правую руку, упёршись в спину ногой.

Всего секунду назад он пытался довольно грамотно провести мне прямой удар в челюсть. Видимо, хмырь ещё не сталкивался с борьбой и вряд ли даже понял, как оказался лежащим на земле.

Хрусть!

Капсула сустава лопнула, и парень завыл с утроенной силой. Плечо его теперь торчало под неестественным углом.

«Что может быть лучше хорошей драки в погожий летний денёк». Наверное, именно с этой мыслью его коллега — лощёный хмырь ростом почти две сажени, попытался ударить меня со спины. Я же, чуть присев, с поворотом засветил ему в печень. Тот задохнулся и тут же напоролся лицом на мой кулак.

Вот так, браток — не опускай руки, а то пропустишь в голову!

Хмырь рухнул, зажимая разбитый нос, из которого хлестала кровь.

Бам!

Мне со всей дури прилетело по голове. Бронежилет я оставил в кустах, но каску снимать не стал, и она спасла меня. Резко повернувшись, я увидел, что ещё два хмыря ринулись на меня.

Они перед этим держали мычащую девицу, которую я не разглядел. Первым нанёс удар тот, что оказался слева и, бил, надо сказать, очень профессионально, но со мной были искусства двух миров.

Так вот, парень ударил меня в солнечное сплетение. Он, наверное, ожидал, что я сложусь, потеряв дыхание. Я же вместо этого засветил ему в ухо. Тот выстоял, но его повело.

Потом я ухватил его запястье и, резко провернувшись, всадил ему локоть в подбородок. Он стал падать, а я со всей дури пнул противника ногой в живот. Тот согнулся на земле.

Последний оставшийся урод резко выдернул из-за пояса револьвер Наган. Тоже мне — комиссар в пыльном шлеме.

— Девочка, — просипел я. — Ты из него стрелять-то умеешь?

— Убью, сукааа — заорал последний хмырь и реально пальнул мне в живот. Я взвыл, мне в брюхо словно молотом ударили.

Перед мысленным взором замельтешили сообщения о повреждении структуры доспеха. Ярость поднялась во мне. Ну, если швы разойдутся, убью нафиг!

Шаг! Другой! Словно в замедленной съёмке, я видел, как этот урод поворачивает оружие к девушке. Я не успевал.

Вот мерзавец жмёт на спуск. Курок отходит назад и чудовищно медленно боёк несётся к капсулю. Я рвусь к хмырю. Боёк погружается в корпус и...

Ничего!

Осечка. Бывает... Патроны старые, валялись где попало. Оружие любит, ласку, чистку и смазку, а не вот это вот всё!

Бах!

Мой левый кулак прилетает уроду прямо в глаз. Голова его откидывается назад, и я отправляю его в нокаут апперкотом. Я тут же наклоняюсь и подхватываю упавший револьвер. Мир вдруг резко становится прежним.

Я стоял и разглядывал лежащих на земле хмырей, и мне стало радостно. Моя замечательная глютаматная лапшичка теперь отомщена. Ещё и девушке по ходу помог...

Тут восторг победы затопил меня, я поднял лицо серое небо и заорал — РИКИ-ТИКИ-ТА

Потом я услышал крик, а следом за ним возмущённый голос:

— Ты что тут устроил?! — опа, это же госпожа Полежаева. Ой, мама, что сейча-ас будет!

Я медленно, медленно обернулся, но вместо симпатичного личика Лилии, наткнулся взглядом на крепкого мужчину. Тот, мрачно ухмыляясь, протягивал мне руку. Я пожал её. Здоровяк произнёс:

— Привет, брат!

— Здрав буде, боярин! — проскрипел я. — Госпожа Лилия, премного рад вас видеть.

И тут меня жажнули под ухо. Удар был слабый и непрофессиональный, но всё же болезненный. Мгновение и на меня налетела та самая девушка, которую держали хмыри. Она, яростно крича, осыпала меня ударами, а я старался принять их на блок.

Лупя меня, она неумело бранилась, то и дело выкрикивая: «Убийца!» и «Ненавижу!». Её перекошенное личико каким-то образом было мне знакомо. Кажется, именно она тогда смотрела на то, как меня выгоняли в пустоши.

Наверное, мы с ней родственники. Увы, память здешнего меня до каторги была совсем обрывочной и ничего внятного подсказать не смогла.

Я не знаю, сколько прошло времени, но внезапно она остановилась. Нет, не потому, что её гнев утих, просто её схватили за руки. С одной стороны — Лилия. Она сменила траурное платье на форму академии, юбку с блузкой и лёгкий жакет. С другой стороны разбушевавшуюся девицу держала крепкая женщина лет тридцати.

Она что-то ей втолковывала, а та слушала как заворожённая. Ещё минута и фурия расплакалась. Женщина повела её в сторону ближайшего корпуса.

Хмырей подняли на ноги и куда-то поволокли охранники. Тот самый крепкий мужик, стоял рядом, всё так же ухмыляясь, только теперь к нему прибавился ещё один поджарый жилистый мужчина в строгом официальном костюме. Впрочем, ректор — Рыжая Борода, а это был именно он, явился как раз вовремя.

— Та-ак, — мрачно произнёс Иван Георгиевич, — первый день и уж второй залёт, пойдёмте-ка со мной, молодой человек...

Лилия последовала за нами, явно собираясь заняться воспитанием меня любимого. До административного корпуса добрались молча. Моих протестов относительно колодца никто слушать не стал.

Крепкого, звали Тимофей Фомич, он вот уже пару часов, как заведовал здесь кафедрой ближнего боя. Они с ректором подхватили меня с двух сторон, и колодец отволол нас наверх. Лилия молча следовала за нами с видом злой решимости.

В приёмной нас встретил Борис. Волосы его за прошедшее часы приобрели русый цвет, даже лоск секретаря немного побледнел. Он злобно зыркал на меня, чем вызвал ухмылки моих провожатых, а может, и конвоиров.

Впрочем, улыбка вернулась на его лицо, стоило ему увидеть Лилию. Да-да, это была мерзкая сальная улыбочка, тут же слетевшая с хари секретаря под взглядом начальника. Что-то мне подсказывало, что следующим здесь морду бить будут именно Борису.

В кабинете Иван Георгиевич уселся в роскошное кресло, в котором явно чувствовал себя не комфортно, а мы остались стоять.

— Э-эх — Тимофей Фомич, тут же с интересом уставился на меня.

— Борису морду набить? — вклинился я.

— Сам справлюсь — проскрипел ректор Рыжая Борода.

И тут в кабинет ввалились отпетые хмыри. Вид они, признаться, имели мрачный, хотя синяков на лицах не наблюдалось. Похоже, ребята уже прошли курс маготерапии.

— О-ох, — повторно вздохнул ректор. — Вам, — он ткнул в группу пальцем. — Всем незачёт. Экзамен благополучно провален.

Когда первое плетение не сработало, вы должны были перейти к использованию магии для увеличения своей скорости, силы и выносливости. В пустошах есть противники значительно опаснее него, — он ткнул в меня пальцем. — Вы живы лишь потому, что перед ним была поставлена задача вас не убивать! — пират вздохнул. — Репей, тебе зачёт.

Быстро сориентировался, успешно противостоял ударным техникам. С тебя потребуется детальный разбор поединка с описанием тактики. Мне нужно знать, как конкретно ты принимал решения об очерёдности выведения противников из строя.

Тимофей Фомич с вас разбор поединка в учебных целях. Также вы должны описать и опробовать эффективные тактики противостояния таким противникам, как Репей.

— Вас понял! — ответил новый завкафедрой. — Разрешите исполнять?!

— Разрешаю!

— А нам чевось? — спросил высокий хмырь.

— Не сдадите, пока не выработаете эффективную тактику, — ответил Иван Георгиевич. — Договоритесь с Репьём о датах тренировочных поединков. Свободны.

— Костя, — подал мне руку глава нападавших.

— Репей, — пожал я.

— Ты на кафедру заходи мы всегда там, — продолжал он.

— Хорошо.

Хмыри загомонили в том роде, что «той седмицей свидимся», и двинулись на выход. За ними последовал и завкаф.

— Стрелялку отдай... — протянул руку пират.

— Это револьвер системы «Наган», — просипел я. — легендарная машинка, но стреляет так себе.

Я протянул ему короткоствол, рукоятку вперёд. Он взял оружие и сунул его куда-то в стол.

— Теперь у меня вопрос относительно твоей сестры. Ты что-нибудь знаешь о её проблемах? — тут я опешил. Что вообще за Санта-барбару в этом мире развели. Кругом кумовство и семейные связи.

— Прошу прощения, это вы о ком? — проскрипел я.

— Я о Татьяне Кошкиной, твоей сестре, — уставился на меня пират.

Я принял играть свой спектакль:

— Я до каторги, почитайте, ничего и не помню, — проскрипел я. — Даже родителей. Девушка эта стояла рядом, когда меня в пустоши выгнали, больше ничего про неё не знаю.

— Лжёшь, собачий сын! — сощурился ректор.

— Никак нет! — вытянулся я.

— Врёшь, говорю, нагло и беспардонно! — очень серьёзно сказал Иван Георгиевич. — А, впрочем, я просто выясню авторитетное мнение моей доченьки, о том, что ты скрываешь отношения с собственной сестрой.

Я помрачнел и произнёс.

— Не знаю, с чего вы это взяли, но подобное оскорбительно для Татьяны Котовой...

— Кошкиной! — поправил меня ректор. — Это твоя бывшая фамилия.

— Того не помню и про семью одни обрывки... — проскрипел я. — Словно сны. Вернее, так, всё здесь чужое.

Я, например, не знаю даже, как деньги выглядят. Понятно, что золотой кругляшек, у которого цифра с одной стороны, профиль мужчины средних лет с другой — это, вероятно,

деньги, но на этом всё. Какого... простите, пожалуйста, десять золотых рублей соответствуют тысяче ста тридцати восьми серебряным?! Ладно бы это, я не понимаю, что сколько стоит. Не знаю, как здесь строят дома, как функционировал колодец этот богомерзкий или щиты. Зато отлично разбираюсь в том, как работает ваш «Люгер».

— Прости, что? — не понял Иван Георгиевич.

— Пистолет, — проскрипел я, — оружие короткоствольное.

Пират-ректор достал «Люгер» и внимательно его осмотрел.

— И как он работает?..

Я минут десять распинался о механизме взведения, пороховых газах, росте их давления в стволе и так далее. У пирата-rektора загорелись глаза. Он секунду молчал, а потом спросил:

— А мы сможем это воспроизвести?

— У меня встречный вопрос, — просипел я, — любую ли пулю вы можете зачаровать на дополнительное поражение? Имеют ли значение её масса и скорость?

— Зачаровывают на дярёвне, а мы будем налагать чары. Так вот, для поражения не имеет значения ни масса, ни скорость объекта.

— То есть лёгенький шарик, которым просто так не убить, вы способны превратить в сокрушительное оружие? — просипел я.

— Могу, но я не про это, — ответил он. — Мне нужно знать, как самим делать такое оружие.

— Я пока не понимаю вашего технического уровня...

— А ты типа не местный? — сощурился пират.

— Я же говорю...

— Так, парень, — проскрипел он. — Ты давай не умничай, ты по-простому. Я маг боевой, этой вашей всей трихомундии не понимаю.

— Пока не знаю, но буду работать над этим.

— Так, понятно, срок исполнения — он задумался, — до конца года. С твоей стороны жду список вопросов.

— Первый, мне нужны люди для ремонта замка, ещё вчера и для планировки города в тот же срок. Здесь их явно найти легче, чем в пустошах. Да и, естественно, ваши документы о допуске и предписание на работу здесь.

Тот не моргнув глазом извлёк бумаги из сейфа, а потом протянул мне паспорт, в который были вложены листы жёлтой бумаги, испещрённые мелким почерком. Ознакомившись с документами и подписав обязательства неразглашения, я отправился составлять объяснительную.

В приёмной меня уже ожидала Полежаева. Она смерила меня холодным взглядом.

— Госпожа Лили... — начал было я.

— Нет! — веско ответила она.

— Как скажете... — проскрипел я.

Ох, если женщина не права, надо незамедлительно извиниться, кинуть в неё шоколадкой и ни в коем случае не подходить. Именно это я и проделал, разве что шоколадку выложил перед ней на край стола.

За что удостоился холодного взгляда. Впрочем, я даже не заметил, как плитка оказалась в руках у девушки. Стоит отметить, что добычей она удовлетворилась и недовольно двинулась восвояси.

Наверное, надо было как следует углубить наш конфликт... Но я боялся поспорить с её отцом...

Ладно, ладно, просто госпожа Лилия очень красивая, умная и смелая девушка... Ну, блин, я же всего лишь шоколадку ей подарил, в этом же нет ничего такого? Или есть?..

С новой объяснительной я промаялся, наверное, час. Дописав, я, под голодными взглядами зачарователей, двинулся в канцелярию. Новую взятку делопроизводительница вымогать не стала, вместо этого расстегнув ещё одну пуговицу на блузке. Безобразие!

Стоило мне такое подумать, как мне предложили угостить девушку кофе со всеми вытекающими. Развели тут...

Уже в кабинете ректора, я повозмущался поведению любвеобильной делопроизводительницы и получил ответ, что лично Ивану Георгиевичу было предложено организовать всё вытекающее из кофе прямо на рабочем месте, в том числе в устной форме.

Так что меня, выходит, не очень-то и трогали. К слову, держали здесь ветреную Юлию Генриховну за сверхредкий дар копирования. Увы, пистолет она воспроизвести не смогла, даже когда ректор предлагал на ней жениться.

Солнце уже клонилось к закату, и мне пора было по делам. Кстати, Клавдий Юльевич из кабинета рядом с лестницей куда-то пропал. Как бы его инфаркт-то не хватил. Впрочем, это не моё дело.

Сестра оказалась должницей того самого Волгина, которому я хотел сдать хабар на оценку. До его жилища я добрался довольно быстро.

Сам скупщик обитал со своим обширным семейством на Вокзальной улице, занимая там целый дом, в прошлом — доходный. В первом этаже его располагались контора и склады.

Внутри место это было весьма интересным. Комната в стиле века эдак девятнадцатого. Всё убранство её смотрелось некогда модным и ярким, но с годами лоск с него послетел, и теперь всё здесь напоминало обиталище интеллигента-бездельника, коих мне на своём веку случилось повидать немало.

Стоило мне зайти, как передо мной вырос дюжий парень в костюме-тройке. На голове он носил самую натуральную кипу из-под которой свисали всамделишные пейсы.

— Таки чехо изволите? — грассируя, спросил он.

— Хочу хозяина видеть — проскрипел я. — Хабар слить. Мне Фёдор Рогов отрекомендовал.

— Абрама Моисеевича нет дома, — безразлично ответил мне парень.

Серьёзно? Таки Аб... ам Моисеевич.

— Ну, на нет и суда нет. Пойду, что ли, к Мышкиным. Видать, правду говорят, что с Волгиным серьёзных дел не мутят... Я развернулся и двинулся к выходу.

— И таки, кто такое гово... ит? — раздался из глубины конторы неповторимо гнусавый голос. Реплика окончилась трубным сморканием. Видимо, хозяин был болен.

— Сталкеры в пустошах... — проскрипел в ответ я обернувшись.

Взгляду моему предстал настоящий старый еврей. Вот прям сошедший с картин Юдея Пэна, очень, кстати, рекомендую, они, если не ошибаюсь, хранятся в Минске и Витебске.

Так вот, одет Абрам Моисеевич был в рубаху, поверх которой носил жилет. Он имел окладистую бороду, перехваченную посередине кольцом по местной моде. На худом старческом лице выдавался длинный крючковатый нос.

— А имена у сталке... ов есть? — спокойно спросил хозяин.

— Клещ, Хряк и Лука — проскрипел я. Это были члены уничтоженной нами банды, так что спалиться я не опасался. — Впрочем, меня интересует оценка.

— И что у вас, мо... одой чео... век? — спросил Абрам Моисеевич.

— Одежда, — безразлично просипел я. Подойдя к столу, я выложил упакованный в полиэтилен костюм «горка». — Сколько дадите.

— Ещё что-то? — спокойно спросил Волгин.

— Это оцените, а потом предметно поговорим.

Тот взял пакет и принялся им шуршать, внимательно осматривая товар. Стóбит отдать должное, скупщик не показал ни капли интереса. После осмотра Абрам Моисеевич перекинул кости больших счёт, написал на клочке бумаги цифру и протянул его мне.

Сумма оказалась лишь немногим меньше того, что дали мне Мышкины. Впрочем, им я принёс комплекты, так что всё было вполне справедливо.

Я молча вытащил оставшиеся вещи. Скупщик также внимательно осмотрел их, вновь написал цену и назвал мзду за свои услуги. Я отсчитал три золотых рубля, а потом спросил:

— Скажите, могу ли я получить в оплату векселья на имя Татьяны Кошкиной?

— Таки ви ша... ун? — мрачно произнёс он. — Зачем вам до... уги девушки?

— Люблю жечь бумагу, — проскрипел я, — особенно гербовую. Меня завораживает пламя.

— ...любопытно... — протянул он. — П... авильно ли я понимаю, шо ви готовы с... ивать хаба... не только Мишкиным?

— Это зависит от вас.

— Даже так... — снова протянул он. — Я бы ...ад отдать вам эти бесп... одные бумажки, но, к сожа... ению, уже п... одал их аукционному дому Ск... ягиных.

— Это что ещё значит?

— То, что их будут п... одавать, послезавт... а, — хозяин громко высморкался — туда же отп... авились и оста... ные доуги госпожи По... ежаевой и Угиной в сумме вот сто... ко, — он нацарапал цифры на бумажке и показал её мне. Я переписал их в блокнот. — Хотите поша... ить — погрозил он мне пальцем.

— Люблю жечь бумагу... — повторил я. — Хабар брать будете?

— Ассигнациями? Акк... едитив?

— Безусловно, золотом? — проскрипел я.

Вот и вопрос: нужно ли париться из-за ненавидящей меня сестры?

Я старый бы не сомневался — нет, не стоит, но нынешний я отчаянно нуждался в союзниках.

Глава 7. Аукцион

«Бабло победит злоБа-ба-баблo победит зло...» группа Ундервуд

— ...просто не слышано! Этот, вёрвар, этот... сатрап! — Аполинарый Аполлонович Морозов весь раскраснелся.

Он был среднего роста, пухленький и лощёный. При этом так усердно помадил свои усы, что стал похож на памятник Денису Давыдову в Митрополичьем саду. Поверх пиджака, несколько небрежно одетого на льняную сорочку в клеточку, господин Морозов повязывал дорогой шёлковый шарф.

— Можете ли вы представить себе подобное, милая моя Глафира Никитична! — распался свежееволненный преподаватель изящных искусств. Он вернулся в Петроград и теперь ходил по гостям, поливая отборнейшими помоями новые порядки в Выборгской академии.

— Громов расформировал кафедру культурологии, сократил часы эстетики, закрыл историю моды, как предмет, в пользу рукопашного боя и мужланского материаловедения.

А немагическая артефакторика! Зачем, зачем аристократии копать в грязном хламе, который притаскивают вонючие сталкеры?! — искусствоведа всего трясло.

— Помилуйте, сударь мой, — не удержался Прохор Фёдорович.

Они с женой Прасковьей Федотовной пришли повидаться с Глафирой Никитичной Вяхиревой, давней их подругой ещё по тем временам, когда они соседствовали на Васильевском острове, а сам Прохор Фёдорович будто бы служил вместе с покойным Фридрихом Карловичем в управлении снабжения.

На самом же деле оба они тогда курировали сталкерские кланы, но мои дорогие читатели об этом, конечно же, не слышали и не услышат.

— Вы что-то путаете, Вёрвар Ангелович успешно руководит Политехническим университетом вот уже более десяти лет.

А насчёт Выборгской академии я вас совершенно не понимаю. Это уважаемое заведение отродясь подготавливало к военной службе, а хабароведение и вообще всегда было изюминкой тамошнего образования. Я согласен, что молодёжь должна всесторонне развиваться...

— Нет, это вы, сударь мой, Прохор Фёдорович, не понимаете! — перебил Аполлинарый Аполлонович. — Академия в первую очередь, заведение для аристократов, а уже потом всё остальное...

— А я вот всегда думала, что второе сословие в главную очередь воинское, а всё остальное уже потом, — вклинилась в разговор Глафира Никитична.

Это была немолодая дама, которая, несмотря на годы, сохранила природную красоту. Сегодня она надела серое домашнее платье, поверх него она повязала белый передник, на котором в идеальном беспорядке расположились следы муки. Ведь она испекла, любимый её покойным мужем франкский пирог с сахарной посыпкой, а готовить его она не позволила бы никому на свете.

— Вот и Фридрих Карлович мой, всю жизнь верою и правдой служил императору и русскому народу. Ни ратного, ни иного труда никогда не боялся. А то, что прямой был, как стрела, так-то для настоящего мужчины только благо. Он, кстати, их величество Анастасию ещё ребёнком имел счастье лицезреть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.